

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Тайна старой усадьбы

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи
60-х

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Андрей Анатольевич Посняков

Тайна старой усадьбы

Серия «Детектив-Ностальгия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69301882
Тайна старой усадьбы: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-188127-6

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

1965 год. Покой небольшого северного городка внезапно нарушает известие об убийстве молодой девушки. Преступник подкараулил ее после танцев, а труп бросил в пожарный пруд. Следователь Владимир Алтуфьев задерживает главного подозреваемого – жениха убитой. Однако предъявлять непутевому парню тяжелое обвинение не торопится. Тем более что в это время в заброшенной усадьбе недалеко от города случается новое преступление. Следователь понимает, что имеет дело не с пьяным хулиганом, а с серьезным, хорошо подготовленным преступником, преследующим коварную цель...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	53
Глава 3	93
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Андрей Анатольевич
Посняков
Тайна старой усадьбы**

© Посняков А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

СССР. Окрестности Озерска. Сентябрь 1943 г.

– Партизаны! Герр штурмбаннфюрер, партизаны!

Заглянув в подвал, унтер – увалень в промокшем дожде-
вике и каске – вытянулся, ожидая приказа.

Штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер, сутулый, с бледным
узким лицом, раздраженно обернулся и, посветив фонари-
ком, посмотрел вверх:

– Партизаны? И далеко?

– Километрах в пяти, за озером, – озабоченно доложил
унтер. Круглое, с красными щеками лицо его чем-то напо-
минало бульдожью морду. – Хельмут и Ханс утром на ры-
балку отправились. Вот и увидали.

– Увидали! – Брюкнер язвительно усмехнулся. – А охра-
ну выставить как следует не пытались? А, господин Ланге?
На рыбалку... Или вы думаете, что вы сейчас во Франции, в
сороковом году. Увы! Это даже не Эстляндия...

– Так... Посты выставлены в соответствии с уставом стро-
евой службы, господин штурмбаннфюрер! – Ланге выпятил
грудь, пытаясь оправдаться.

Вообще-то он был хорошим унтер-офицером, исполни-

тельным и добросовестным служакой... правда, не более того. Но и не менее. А этого уже немало! Попробуйте еще толкового унтера подобрать.

— Ладно, Герхард, вы все сделали правильно. Лучше и впрямь, как говорят русские, соломку подстелить... — Фонарик в руке штурмбаннфюрера вдруг замигал и погас.

— Черт! — выругался в темноте Брюкнер. — У вас есть фонарик?

— Да, господин штурмбан...

— Так давайте же! Осторожнее, не свалитесь с лестницы... Заскрипели ступеньки. Яркий луч фонаря осветил сваленный в углу хлам: холсты, подрамники, кисти...

— Ага... Спасибо, Ланге.

Перехватив фонарик, Брюкнер поблагодарил и тут же распорядился отправить к озеру двух человек — наблюдателей.

— Уже отправлены, господин штурмбаннфюрер! — молодецково выкрикнул унтер. — Ефрейторы Райс и Хайнегер. Хорошие бойцы.

— Хорошо. Докладывать каждые полчаса.

Узкий луч метнулся к лестнице.

— Пока свободны, Ланге. Благодарю за службу!

— Хайль Гитлер!

— Хайль... Да, пойте-ка! С чего вы взяли, что партизаны обязательно заглянут в усадьбу?

— У них подводы, господин штурмбаннфюрер. — Голос унтера прозвучал глухо как в подземелье. Так здесь и было под-

земелье – подвал, вернее сказать, – потайная комната, обнаруженная Брюкнером только вчера.

Заброшенную усадьбу, где располагался приданный Брюкнеру взвод ваффен СС, штурмбаннфюрер присмотрел еще в конце лета и решил приспособить ее под штаб – в обширном подвале было удобно держать пленных и подозрительных. Жалко, от города далековато, да и дороги вот-вот развезет. Впрочем, в последнее время и ситуация изменилась: теперь не о допросах надо думать, а о том, как бы самим ноги унести. Заодно прихватить кое-что из обнаруженных в потайной комнате ценностей, в свое время так и не доставшихся большевикам. Старинные канделябры, серебряная шкатулка – увы, пустая, – пара портретов в больших золоченых рамах и еще кое-что по мелочи. Все для великой Германии, а как же!

– Говорите – подводы? – Герр Брюкнер никогда не разделял насмешек некоторых своих коллег насчет «русиш телеген». И в самом вермахте гужевого транспорта хватало, здоровенные битюги даже пушки таскали, не говоря уж о всем прочем, да и дороги здесь были такие, что иногда только на лошади и проедешь. Даже «Опель Блиц» – на что уж неприхотливая машина, – и тот не выдерживал, застревал.

– Подводы, господин штурмбаннфюрер, – осторожно понимаясь по лестнице, подтвердил унтер. – Хельмут с Хансом видели две. Плюс еще конники – человек двадцать, все с оружием. Думаю, бандиты отправились за продуктами в бли-

жайшее село. А дорога туда одна – как раз через усадьбу. Эх, да где ж эти мадьяры? Союзнички, черт бы их побрал...

С небольшим венгерским отрядом под командованием капитана Гезы Фаркоша люди Брюкнера должны были встретиться еще несколько дней назад, но так и не встретились, и, где носило этих мадьяр, один дьявол знает.

– Понял... – Штурмбаннфюрер кивнул и прищурился. – Докладывайте, и вот еще что... Всем собираться и быть наготове.

Увалень обернулся, удивленно приподняв брови:

– Я верно понял? Мы собираемся уезжать, господин штурмбаннфюрер? Не дождавшись мадьяр?

– Да, уезжаем. И как можно скорее. Фаркоша мы, похоже, не дождемся, а я вовсе не собираюсь сражаться за эти чертовы развалины в одиночку! Думаю, они не стоят крови наших солдат. А с партизанами мы еще повоюем, успеем! Так что действуйте, Герхард.

– Яволь!

Шаги унтера гулким эхом разнеслись по коридору. Скрипнула дверь... Со двора донеслись команды...

Подводы...

Герр Брюкнер покачал головой и еще больше ссутулился. Впрочем, серая полевая форма с серебристыми рунами в петлице очень шла ему. Подтянутый сероглазый брюнет, всегда тщательно выбритый, пахнувший дорогим французским одеколоном, Курт всегда нравился женщинам, а вот жена по-

стоянно пилила ее за сутулость... Ну и что с того? Отвоюем – выпрямимся!

Подводы... Пять километров... А три дня кряду дождило – значит, дорожка та еще. Час, может, даже два... Или не уходить? Просто разбить к чертям всю эту лесную банду? Два десятка бандитов плюс пара подвод... Поставить пулемет на развилке, стрелков – по кустам, рядом... А потом получить свой заслуженный Железный крест! Это если все получится... А если – нет? Если в руки партизанам попадут секретные папки с агентурой? Кого тогда назначат виновным? Правильно, его – Курта Брюкнера, штурмбаннфюрера СС, первого заместителя начальника озерского гестапо. Сам же начальник и сдаст – штандартенфюрер Крюге тот еще лис, от себя беду отводить умеет. За счет подчиненных, само собой... Так что ну их всех к черту, эти дурацкие подвиги, куда лучше действовать по-русски – соломку подстелить...

Итак, минимум час еще есть. И есть еще фургон «Опель Блиц», грузовик вполне надежный. Служебный легковой «Мерседес-Бенц» Бюкнер, отправляясь в леса, благоразумно оставил в Озерске. От усадьбы до шоссе – километра четыре по бездорожью. Грузовик еще ничего, справится, а вот легковая...

Что еще прихватить? Что-нибудь бы для себя, такое, небольшое, чтоб не было этих алчных солдатских взглядов...

Что тут еще осталось-то?

Курт посветил фонарком...

Да, похоже, больше ничего ценного. В углу – пара старых икон, пыльные рамы да детские рисунки – дегенеративная мазня, – все какое-то размытое, в цветных пятнах. Ну и художники, верно – да, рисовал ребенок. Ребенок, не умеющий рисовать. Так, наляпал что-то. Едва угадывается усадьба – только контур да далекий лес – почему-то синий. На другом рисунке – вообще совершенно дикая мазня! Какие-то ворота, дома, чернота и яркие желтые пятна. Вероятно, огни. Или звезды. Тьфу!

А вот иконы, пожалуй, тоже нужно прихватить. Только не для великой Германии – для себя лично. Отправить посылкой домой, в Дрезден...

Черт! Что еще за шаги?

– У них броневики, господин штурмбаннфюрер! – склонившись над люком, нервно доложил унтер. – Наверное, наши, захваченные. Очень скоро будут здесь!

– Едем! – Сунув иконы под мышку, Брюкнер заторопился по лестнице. – Вы идите, идите, Ланге. Я догоню...

Поднявшись, штурмбаннфюрер захлопнул люк, или, вернее, лаз. Крышка закрылась быстро и плотно, так что и подумать невозможно, что внизу – потайная комнатка. Большевики – те не догадались, а Брюкнеру просто повезло. На стене, в нише, висела картина, изображающая индейцев. Все как полагается – мустанги, томагавки, перья. Только вот компания там была изображена какая-то странная. Судя по при-

ческам и перьям, гуроны и делавары. Вместе, рядом. А ведь эти племена никогда не дружили – заклятые враги! Курт в детстве зачитывался Карлом Маем, играл с друзьями в индейцев и гуронов с делаваарами уж никак не спутал бы. Это же полный позор.

Вот и здесь, на картине... Когда пригляделся внимательно, заметил, что все воины смотрят вниз... куда – на картине было не видно. Но ведь куда-то ж они смотрели? Зачем-то художник так вот нарисовал? Мало того что смотрели, так один делавар еще и прямо указывал томагавком! Словно бы на пол, в этой вот самой нише...

Курт не поленился, встал на колени, пошарил руками... И нашел-таки небольшую зацепочку, потянул...

Правда, найденная «пещера Лехтвейса» оказалась не столь уж и богата сокровищами, больше – всяким хламом. Однако кое-что нашлось... Эти старинные иконы явно чего-то стоят – их можно продать. И может быть, весьма выгодно... Пусть этим займется жена Марта...

Кстати, здесь, в этой комнате, в случае чего можно спрятать вывезенные из соседнего села папки с агентурными делами – архив. Тамошнее отделение гестапо пришлось спешно эвакуировать – опасно стало. Эту миссию и поручили Брюкнеру, а уж в заброшенную усадьбу местного графа Возгина он заехал сам, присматривая новое место для своей конторы...

– Господин штурмбаннфюрер!

– Иду же. Иду.

«Опель Блиц» уже стоял с заведенным двигателем, все солдаты сидели в кузове. Это так говорится, что взвод, на самом деле осталось всего-то восемь человек, включая унтера Ланге и самого штурмбаннфюрера. Задние двускатные колеса, матерчатый тент, покрашенная в серо-голубой цвет «фельдграу» кабина, лопата на правом крыле. Машина надежная, даст бог, и сейчас не подведет...

Ланге лично уселся за руль. Брюкнер, забравшись в кабину, оглянулся, бросив последний взгляд на усадьбу, чем-то похожую на финскую мызу. Фундамент из мощных замшелых камней, само же здание – деревянное, выстроенное в стиле классицизм, с колоннами и портиком. Когда-то тщательно покрашенная, усадьба, верно, смотрелась нарядно, даже с некоторым изяществом. Сейчас краска давно выцвела и облезла, даже какой был цвет изначально, угадать уже было сложно, левое крыло здания покосилось, провалилась крыша, стекла оставались только в правом крыле – до войны его использовали местные колхозники во время уборочной и сенокоса.

– Броневики! – Тронув машину, Ланге бросил взгляд в зеркало. – И это точно не мадьяры!

Сзади слышались выстрелы.

– Партизаны! – переключая передачу, напряженно выкрикнул унтер.

Брюкнер поправил на голове фуражку и усмехнулся:

– Надеюсь, наши солдаты не забыли, зачем им пулемет?

Или ожидают приказа?

– Нет, – перекладывая руль, дернул шеей Ланге. – Им приказано стрелять по готовности...

В этот момент послышалась очередь. Машину затрясло – в кузове словно заработала мясорубка или циркулярная пила – так прозвали недавно появившийся на фронте пулемет «МГ-42»!

– Есть! – глянув в зеркало, радостно возопил унтер. – Задымил броневичок! Да с таким пулеметом нам сам черт не брат!

Глава 1

Бывший райцентр Озерск. Июнь 1965 г.

– Косинус на синус равно... Ой! Как-то не так все!

Лежавшая на расстеленном невядалеке от забора покрывале девушка лет шестнадцати – высокая, с золотистой косою и полной грудью – задумчиво заглянула в синюю общую тетрадь с надписью «Билеты к экзамену» и возмущенно фыркнула:

– Нет, ну надо же! Это что же, я не все записала? Жень, а у тебя?

– А у меня вроде есть. – Заговаривая рядом соседка – худенькая, смуглая брюнеточка с прической каре – поправила задранную к плечам майку. – Да, вроде бы...

Женя пролиставала тетрадь – такую же, как у подружки, купленную в канцелярском магазине «Лентагиз» за срок восемь копеек, только с красной корочкой.

– Ну, я же писала, помню... Да где же? – Девушка округлила глаза. – Вот! Теоремы, задачи... Ну, ты слушаешь, Кать?

Катерина между тем перевернулась на спину, закрыла глаза и подставила солнцу живот. Белый матерчатый лифчик и

черные купальные трусы – вот и вся одежда.

Загорали подружки... Впрочем, не просто так – заодно готовились к экзаменам за курс восьмилетней или, по-новому, девятилетней школы. Раньше, еще лет пять назад, экзамены сдавали бы после восьмого класса, а нынче вот – после девятого, а потом еще предстояло учиться в десятом, а одиннадцатого, как в прошлые годы, уже не было! Десятый был выпускной! И еще – одиннадцатый, по программе которого доучивались те, кто был старше подружек на год. В прошлом учебном году, осенью, в школу вернули десятилетку вместо прежней, одиннадцатилетней программы. В следующем 1965/66 учебном году школу оканчивали последние одиннадцатые классы и – одновременно – новые десятые, таким образом, количество выпускников 1966 года автоматически увеличивалось в два раза! Вот об этом сейчас и вспомнила Катя.

Открыв глаза, приподняла темные очки а-ля знаменитый польский актер Збигнев Цыбульский и повернула голову:

– Ой, как представляю: это теперь все будут десять классов учиться, и мы – первые! Два года в один. Могли бы и экзамены после девятого отменить, коли такое дело!

– Так после восьмого-то не сдавали, – резонно возразила подружка. – Это сейчас сдают... Ну и мы заодно. Говорят, в каждой республике по-разному.

– Дурдом! Зато школу на год раньше окончим! Представляешь, это же здорово!

– Да уж не совсем, – поправив такие же очки, усмехнулась Женя. – С выпускными-то – полный атас! Это же и мы будем сдавать, и одиннадцатые классы! В два раза больше выпуск! Никаких институтов не хватит. Как говорит моя мама, все мозги прокомпостируют!

– А ты после школы в институт собираешься? – Катя облизнула пересохшие губы и потянулась к бутылочке сидра, лежавшей рядом, в траве. Открыла, сделала пару глотков, протянула подружке. – Будешь?

– Давай.

– Ох, Женька... – Привстав, Катерина накинула на плечи клетчатую рубашку и тяжело вздохнула. – Везет же тебе.

– Чего везет-то?

– Как к тебе хорошо загар прилипает. Вон вся коричневая уже. А я только обгораю.

– Зато у тебя грудь, как у Брижит Бардо – вон какая! – утешила подругу Женька. – А у меня... стыдно смотреть...

– Ничего, вырастет еще!

– Ага, как же...

– Так ты в какой институт собралась? – Катерина улеглась на живот, вытянула ноги. – На кого?

– Ну-у... – задумчиво протянула Женя. – Наверное, в педагогический... или на юриста. Не решила еще. Да время есть подумать.

– А я так вообще не хочу в институт. – Сняв очки, Катя беззаботно рассмеялась. – Сразу бы на работу... Или для на-

чала в какой-нибудь техникум. В любой. В какой – не важно.

– Как это – не важно? – привстав, возмутилась Женька. – Ты же в ветеринарный хотела... Или на агронома.

– Расхотела уже. – Катерина повертела в руках очки. Модные, большие. Точно такие же, как у подружки, предмет зависти многих девчат. Точно такие носил знаменитый польский артист красавчик Збигнев Цыбульский в детективе «Девушка из банка», который подружки как раз недавно посмотрели в клубе. Вернее, пересмотрели, первый-то раз ходили еще в прошлом году, летом. Фильм им очень понравился. Как и очки. Еще бы – в «Лентагизе» такие не купишь, даже в соседнем Тянске не купишь, пожалуй, только в Москве!

– Знаешь, Жень, я бы, может, замуж... за такого вот, как тот артист, Цыбульский. Как в фильме! Ну, помнишь? Как они приехали на курорт и все такое... Вроде бы как по работе. А потом начали целоваться... Вот такая я эгоистка, да! Мечтаю о личном счастье... Мещанка, ага.

– Ой, ну тебя. – Женька фыркнула. – А кто в комитете комсомола всегда? Кто во всех общественных делах первый? Да мы с тобой, кто же еще-то? Лидка Щетинникова, что ли? Или Ермакова с Лейкиным? Нет! Все Мезенцева да Колесникова, Колесникова да Мезенцева! Не так? Да без вас, товарищ Катерина Мезенцева, весь школьный комсомол рухнет, а ты еще мещанкой себя обзываешь! На других посмотри!

Женька покраснелась, даже поднялась на ноги, правда, тут же уселась на покрывало – с той стороны забора прока-

тил на мопеде какой-то пацан. А и нечего ему смотреть на загорающих девушек, мал еще!

– Ну ты, Колесникова, даешь! – Катя тоже уселась, скрестив ноги. – Этакую речугу задвинула.

– Так что – не так?

– Все так... Но личного счастья я тоже хочу.

– Кстати, о личном счастье... – поправив маечку, усмехнулась Женька. – Это, случайно, не тебя на мотоцикле видели? С участковым нашим, Дорожкиным...

– Нет, не меня! – Катерина замотала головой и, покраснев до самых ушей, тут же спросила: – А кто это тебе сказал?

– Да бабки у колодца говорили.

– Вот сплетницы старые! Подумаешь, один раз прокатилась...

– Сказали – в синем сатиновом платье!

– И не в сатиновом, а из крепдешина! – не удержавшись, похвалилась Мезенцева. – Отрез в Тянке достали... тетя Фая, материна подруга. Там же в ателье и пошили.

– А! Так вот ты зачем в Тянку ездила – на примерку?

– Ну да...

Женька склонила голову набок и улыбнулась:

– Вообще, Дорожкин – неплохой парень, серьезный. И уже давно глаз на тебя положил!

– Ой, скажешь тоже...

– Положил-положил, не отпирайся! Поди, лейтенант уже?

– Лейтенант... А мотоцикл у него – «Ковровец», ужас

один! Представляешь – одно сиденье. Так Игорь поролон подложил... И все равно так трясло, до сих пор попа болит!

Девушки разом засмеялись.

– Значит, уже Игорь? – отсмеявшись, прищурилась Женья. – Завидую. Вот честно! Это все потому, что ты красивая. Не то что я... замухрышка какая-то. У тебя вон и грудь, и все... а я...

– Да не переживай ты! – Катерина обняла подругу за плечи. – Ты тоже очень даже ничего, хоть и худенькая... На певицу одну похожа французскую. Ну, помнишь, мы у тебя маленькую пластиночку слушали? Ма жёнессэ фу ль кам... ла-ла-ла ла-ла-ла...

– А-а-а! Франсуаза Арди!.. Что, правда, похожа?

– Одно лицо! Только у тебя глаза красивее – синие-синие. Подружки снова обнялись и рассмеялись.

– Завтра у тебя готовиться будем, – завязывая рубашку узлом на животе, предупредила Катя. – Заодно музыку послушаем. А сейчас пойдем-ка перекусим. Окрошку сделаем. У нас квас на хлебных корках. Ну и в залавке что-нибудь поищем. Мама сказала, чтоб без нее обедали... Ой, Женька! Боюсь, как бы она не прознала про Анатолия!

– Про какого еще Анатолия? – Колесникова непонимающе сдвинула на лоб очки.

Модные очки эти, к слову сказать, прислал Катин старший брат Максим, вот уже около года служивший в Венгрии. Вот так вот – купил и послал. Две пары. Сестре и ее лучшей по-

дружке. Женька обрадовалась. Она по Максиму еще с шестого класса сохла... Правда, это все в детстве было...

– Знаешь, у нас же с Дорожкиным ничего и нет. Все эти охи-вздохи – в прошлом все, – лукаво взглянув на подругу, призналась Катерина. – Да и простоват Дорожкин. Подумаешь, лейтенант! Тебе, как лучшей подруге, скажу – мне давно уже Анатолий нравится, Толик!

– Что еще за Толик? – Женька вдруг осеклась. – А-а! Уж не Анатолий ли Иванович, кружковод?

– Ну... угадала... – сконфуженно призналась Мезенцева. – Только ты пока – тсс... никому.

– А я-то думаю: с чего это ты в фотокружок записалась? Меня еще потянула... А ты вот оно что... Ну... Анатолий Иванович – мужчина красивый, видный... И на артиста Цыбульского похож – да! Только... не слишком ли для тебя старый?

– На десять лет всего-то! – с вызовом бросила Катя. – У меня, между прочим, папа старше мамы на двенадцать лет был. И ничего! Кабы не война проклятая, не раны, так до сих пор бы и жил...

– Да, война... – Женька вслед за подругой поднялась по крыльцу на веранду – летом Мезенцевы там частенько обедали. – Что же до того, что старше... Тетя Вера – женщина не такая уж и строгая. Не как иные, узнает – уж точно не прогонит и не изобьет.

Отца в семье Мезенцевых не было – умер от полученных

на фронте ран. Мать же, Веру Ивановну, все в городке уважали и любили за легкость в общении и надежный характер.

– Так-то оно так, – доставая из залавка бидончик с квасом, вздохнула Катя. – Да Толику все девки на танцах глазки строят... Курвищи! Особенно Светка Кротова из десятого «Б»! Вот ведь...

– Ладно тебе ругаться-то... – Женя вымыла под рукомойником руки и обернулась. – Где у тебя ножик? Ого – колбаска! «Докторская», без жира! Откуда взяли?

– В леспромхозовском магазине выбросили.

– Здорово!

– Еще бы! – Катька наклонилась и принялась шарить в залавке. – Жаль, огурчики еще не пошли... Ага, вот и сметана! И мелкий лук... Чего еще надо?

– Еще яйцо бы.

– Так вот они, яйца-то. На той неделе в «Заре» взяли. Представляешь, без всякой очереди.

– Ну, в «Зарю» не за яйцами, за вином ходят. Ой, какие крупные! По рубль пять?

– Рубль тридцать!

– Дорого. Потому, наверное, и без очереди. Давай только одно сварим – нам хватит как раз.

– Нет, лучше два. – Катерина задумалась, помотала головой. – Мама с работы придет – тоже окрошку покушает.

– Верно.

Поставив варить яйца, девчонки нарезали аккуратными

кубиками колбасу, покрошили тонкий лучок-порей да сбегали на огород – нарвали только что появившуюся молоденькую ботву. Все – на крошку.

Вообще, времена нынче стояли неголодные, но и не очень-то сытые. Слава богу, волюнтаризм до городка доказался не особенно сильно – голодных бунтов не случилось. Однако приусадебные участки порезали, да со скотом и с домашней птицей стало куда хуже. В продуктовых магазинах все доставалось с очередями – даже за хлебом очередь, что же касается рынка, так там сразу после денежной реформы цены скакнули в разы и с тех пор толком так и не опустились.

Весна, начало лета – самое голодное время. Все прошлогодние запасы подъедены, а нового еще ничего неросло. Еще месяцок – и пойдут овощи: лук, редиска, морковь со свеклою, а там и до картошки недалеко. Да и в лесу, рядом, – ягоды да грибы. Бери – не хочу, множество.

– Завтра пластинки послушаем. – Наливая в чугунок квас, Катерина подмигнула подруге. – «Лучший город земли» есть у тебя?

– Есть.

– Обожаю Магомаева! А еще что новенького? Не присылали из Риги?

Старшая сестра Женьки Лена вышла замуж за моряка, старпома из Риги. Туда и переехала и работала на радиозаводе ВЭФ. Женька ездила в Ригу почти каждые каникулы, покупала модные пластинки, которые потом слушала дома

на проигрывателе-чемоданчике «Юбилейный». У Колесниковых еще была радиола «Ригонда», но эта считалась как бы родительская, «чемоданчик» же был подарен лично Женечке.

— Ну, кое-что прислали. — Очистив яйца от скорлупы, Колесникова потянулась к ножичку. — Да и сама весной ездила, купила ансамбль «Дружба». Наш, ленинградский...

— А! — перемешивая окрошку, вспомнила Катя. — Там еще девушка поет... похоже, нерусская.

— Эдита Пьеха.

— Ах, да-да! Так, говоришь, есть у тебя?

— Да, завтра послушаем.

Вытерев стол, Катерина разлила по тарелкам окрошку:

— Пожалуйста.

— Ой, как много-то! — округлив глаза, запротестовала Женя. — Я столько не съем.

— Съешь-съешь! Иначе грудь не вырастет!

Подружки от души расхохотались.

— Ой, хлеб-то забыла! — Вспомнив, Катерина вскочила со стула и убежала в дом. Вернулась с двумя кусочками черного, заодно включила обычное проводное радио, тут же запевшее песню про валенки, что «не подшиты — стареньки».

— О, «В рабочий полдень»! — обрадовалась Женька. — В прошлый раз Магомаева твоего передавали.

— «Лучший город земли»?

— Не, поспокойнее что-то... Может, и сейчас услышим че-

го...

– Да ты кушай, кушай! Ложку-то мимо рта не проноси.

– Это кто проносит?

Между тем по радио наконец закончили с «Валенками»...

– А теперь работники колхоза «Новый путь» Ленинградской области просят передать для своего агронома, Героя Социалистического Труда Валентины Ивановны Петровской какую-нибудь хорошую песню... Валентине Ивановне недавно исполнилось пятьдесят пять лет...

– Ой, Магомаева бы! – взмолилась Катя.

– Что ж, уважаемая Валентина Иванова, принимайте музыкальный подарок! – напроць проигнорировав девичьи просьбы, торжественно возвестило радио. – Выступает молодая эстрадная артистка Тамара Миансарова. Музыка Юрия Саульского, стихи Михаила Танича. Шуточная песня «Черный кот»!

– Ко-о-от!!! – дружно выдохнули девчонки и, бросив недоеденную окрошку, тут же пустились в пляс.

Жила да был, черный кот за углом,

И кота ненавидел весь дом!

Ах, видели бы учителя! М-да-а...

– Только черному коту и не везет!

– Ну вот! А ты говорила – «Валенки»!

– Ничего я такого не говорила!

После «Кота» началась передача про Нобелевскую премию знаменитого писателя Шолохова. Подружки это не слушали и, быстро уgomонившись, доели-таки окрошку.

– Хорошо у вас – радио можно и на веранде слушать, – облизав ложку, одобрительно покивала Женечка.

Катя потянулась:

– Так Максим еще года три назад протянул провод.

Старший брат Катерины Максим неплохо разбирался в радиотехнике, даже когда-то ходил в радиокружок в местный Дом пионеров и школьников. Правда, после школы в радиотехникум не поехал, а выучился в местном училище на шофера, а по весне был призван в армию. Попал служить в Венгрию, сначала – в город Секешфехервар, а нынче вот – в Будапешт, в столицу. Собственно, это было все, что подружки знали о Максе. Ничего более конкретного он им не писал, не имел права.

– Макс-то пишет? – посмотрев в окно, тихо спросила Женька.

– Да пишет... – Катя принялась мыть посуду в раковине. – Тебе ведь тоже...

– Редко. На четыре моих письма – одно ответное.

– Слушай! – резко обернулась Катерина. – Я ему напишу, чтоб он чаще...

– Да нет, что ты! Не надо.

– Хотя он и нам-то нечасто... Видать, служба такая. Армия – это тебе не детский сад! Тем более за границей. Кого

попало не пошлют.

– Это уж точно... – Чуть помолчав, Женька вскинула брови. – Ну, что? Еще чуть-чуть поучим?

Катя покусала губы:

– Знаешь что... А давай перерывчик устроим? Ну, прогуляемся, что ли. А то башка уже не варит совсем! Анатолий Иванович, кстати, просил зайти... Что-то там насчет практики.

– Ах, Анатолий Ива-а-аныч, – лукаво прищурилась Женечка. – Вот оно в чем дело-то! Так и сходи прогуляйся, а я домой...

– Ну, Женюль... – Катя взяла подружку за руку и жалобно заглянула в глаза. – Ну, пойдем, ну, пожалуйста. Ну, как я одна-то? И так уж все сплетни свели...

– А если вдвоем, так не сведут?

– Вдвоем – совсем другое дело, – серьезно отозвалась Меценцева. – Тем более – с тобой. Ты у нас человек положительный, ответственный...

– Ладно, уговорила. – Женька махнула рукой. – Пошли. День-то какой! И вправду, чего дома сидеть?

– Я сейчас переоденусь и – айда. Я быстро.

Дожидаясь подружку, Женька натянула треники и вышла на крыльцо, бросила взгляд на старый сарай – летнее обиталище Макса. Ах, Максим, Максим... были же времена когда-то... И не так уж давно. Когда – вместе, вдвоем...

За сараем Максим всегда приглядывал лично – перед самой армией даже покрыл крышу старыми железными листа-

ми. Нынче листы эти валялись в траве, у забора – третьего дня был сильный ветер, почти ураган, вот и сорвало. Теперь уж кто починит? Никто...

Девчонка вздохнула – жаль, их с Максом дружба особого продолжения не имела. Да и была ли она вообще? Что общего между вальяжным красавцем-выпускником и сопливой восьмиклассницей? На Макса, между прочим, и взрослые девицы засматривались... Даже учительница-практикантка... которую убили потом... Ох, были дела...

– Ну как?

На крыльцо вышла наконец Катерина – в новых белых туфлях-лодочках, в синем крепдешиновом платье в мелкий белый горошек... м-м... не то чтобы очень уж коротком, но и не длинном – на пару ладоней выше коленок.

– Ой, Катька! Ну, ты даешь... – Оглядев подругу с головы до ног, Женя восхищенно покачала головою. – Брижит Бардо – вылитая! Бабуся у колодца оценят...

– Тьфу! – Катя махнула рукой. – Вот не можешь ты без ехидства! Ну, пошли.

– Стой, – вдруг напряглась Колесникова. – То есть как это – пошли? Ты, значит, Брижит Бардо, а я – в трениках да в старой майке? Не-е... Точно домой зайду. А то как-то...

– Да, как-то не очень выходит... – подумав, согласилась Мезенцева. – Ладно, к тебе так к тебе. Зайдем.

Совсем недалеко жила Женька Колесникова, да и весь городок был не особенно-то велик. Промкомбинат, молокоза-

вод, колхоз, леспромхоз, больница. Еще – на самой окраине – училище механизаторов, а напротив – две школы. Новая – кирпичная, просторная, светлая, и старая, деревянная – рядом, на холме. В старой до сих пор учились начальные классы – в новую все не помещались. Напротив новой школы также располагался и интернат – для тех, кто уж очень далеко жил, по таким жутким дырам, куда и автобусы-то не ходили.

– Ну... зайдешь? – Женька остановилась у калитки.

Подружка покрутила головой:

– Не. Я тебя тут подожду, на лавочке. Только ты побыстрее.

– Кто бы говорил-то?

Женечка долго не задержалась – коли на прогулку, так уж ясно, чего надеть. То же, что и в клуб, особого-то выбора все равно не было. Не в школьной же форме идти? И не в трениках.

Забежав в свою комнату, девушка распахнула шкаф и быстро переоделась... Белая узкая юбка длиною... нет-нет, не мини, пусть самую малость, но подлиннее. К юбке – светло-голубая нейлоновая блузка с короткими рукавами, сильно напоминавшая мужскую рубашку, – предмет зависти всех девчонок школы! Еще бы – настоящий нейлон! В тон блузке – гольфики, такие же светло-голубые...

И – широкий белый ремень с большой золотистой пряжкой! Шик, блеск, красота!

Юбку и гольфики покупали вместе с сестрой в Риге, блузку привез из плавания муж сестры, старпом. Заграничная! Еще и в меру плотная – не слишком просвечивает, не надо майку поддевать – жарко. С лифчиками для Женькиной груди были проблемы – такого размера просто не выпускали, приходилось ушивать большие – смотрелось это плохо, а носилось еще хуже. Так что лучше без ничего – вот так...

Глянув в большое зеркало в дверце шкафа, Женька осталась довольна. Причесалась, подумала еще расстегнуть на три пуговицы блузку... Расстегнула на две, чтобы поскромнее. Да, на две – пожалуй, вот так... Или все-таки на три? Ладно, там, по пути, видно будет...

– Ух ты! – заценила подружку Катерина. – А очки-то что, забыла?

– Ой...

Так вот и пошли под ручку по центральной – Советской – улице в направлении автобусной станции, «на площадь», как говорили в городке. Там можно было срезать путь – пройти к Дому пионеров через стадион и клуб... ну и лесочком немного, так сказать, по козьей тропе.

Появление модно одетых подружек, конечно же, не осталось незамеченным – проезжавший мимо лесовоз – солидный «ЗИЛ-157» с прицепом-ропуском – едва успел притормозить на повороте, молодой водитель засмотрелся на девушек...

Отъехавший от автостанции междугородний автобус – се-

ребристый, похожий на огромный дирижабль «ЗИЛ-127» – притормозил, посигналил... Усатый шофер в форменной фуражке и белой рубашке с галстуком, высунувшись в окошко, помахал девчонкам рукой.

– На дорогу смотри! – Катя, усмехнувшись, помахала в ответ.

– Катька, очкиними! – вдруг напряглась Женька. – Вон бабуси с остановки идут...

– Здравсте, тетя Лена! Баба Матрена, здравствуйте!

– И вам, и вам здравствовать...

– Ой, какие девочки-то красавицы, ой...

– ...Курвищи, тьфу! И куда только родители смотрют? А еще, поди, комсомолки!

Хорошо, очки снять успели... А то бы еще в шпионки записали – запросто.

Последние слова подружки, конечно, не слышали... Впрочем, догадывались. Ну, ругаются бабули на молодежь – и что? Не сталинские времена нынче и не этот чертов... волюнтаризм!

Ведь как все же здорово было пройтись по городу – молодым да красивым! Все встречные мужики шеи свернули! И пусть потом их могут разобрать на комсомольском собрании, «поставить на вид», зато сейчас – как славно, как радостно-то! Как прекрасно вот так идти, ловя на себе восхищенные взгляды, радовать весь мир... и себя!

В школу, конечно, ходить в таком виде было нельзя, да-

же на вечера и прочие там «огоньки» да собрания. Хотя за внешним видом учащихся здесь, в провинции, следили не так строго, как в больших городах. Кто-то ходил в форме, а кто и нет – жили-то еще бедновато, далеко не каждый мог себе позволить школьную форму купить, особенно если семья многодетная, а такое сплошь да рядом.

С распущенными волосами и даже с каре в школу тоже нельзя. Женька хвостик завязывала, Катерина – косы, а многие – еще по старым временам – жиденькие «бараньи» рогатки. Мальчишкам легче было – в парикмахерской полубокс или, там, полечку, сделал и ходи себе. Да и форма у них куда удобнее – у кого была. У девчонок же – совсем другое дело. Как царские гимназистки ходили – платье полшерстяное коричневое, неудобное – жуть! Жарко, ноги все время чешутся, еще и каждый день воротнички-манжетки отпарывай, перестирывай да обратно пришивай – вот прямо больше делать нечего! В младших классах это все мамы делали, а класса с пятого уже сами... Еще и передник этот дурацкий – к чему?

Что же касается губной помады... Ну, тут не каждая старшеклассница осмеливалась даже на танцы в клуб! Соседи, не дай бог, увидят, родителям донесут... Ну а в школе с такими модницами вообще разговор короткий – половой тяткой по губам и шагом марш в уборную – «все это позорище» смыть! То же самое касалось и туши для ресниц.

– Слышь, Жень... – Миновав площадь, Катерина хитро глянула на подружку. – Давно спросить хотела. У тебя с Алексом как? Ты это, извини, если что...

Алекс – он же Алексей (Леха) Кошкин, известный озерский стилига, учился двумя классами старше и по Женьке – все знали – вздыхал, постоянно снабжая ее самодельными пластиночками на рентгеновских снимках, «на костях». А может, и не вздыхал, может, ему просто нравилось с Колесниковой общаться: та тоже музыкой увлекалась, а «рыбак рыбака видит издалека».

Именно через Алекса Женька познакомилась не только с многочисленными рок-н-роллами, но и с «Битлз», и теперь частенько напевала «Э тест оф хани» и «Айлл фоллоу зе сан» – вот уж привязались песенки! В свою очередь, именно Женья давала послушать Алексу джаз и «французов», и не только выпущенного в СССР Ива Монтана, но и то, что в Союзе не выходило: Генсбура, Франс Галь, Франсуазу Арди. Все это богатство в виде маленьких, с большой дыркой, пластиночек для музыкальных автоматов привозил ходивший в загранку муж старшей сестры, той самой, из Риги.

Что же касается личных отношений... то, их, пожалуй, и не было. Да Алекс особо в воздыхатели и не напрашивался, скорее, ему было просто приятно с Женькой общаться, ну, с кем еще-то практически единственный в Озерске стилига мог поговорить о Гленне Миллере или сравнить Билла Хейли с Элвисом Пресли. Теперь вот «Битлз» прибавились...

Наверное, в Озерске о них только двое и знали – Женька и Алекс. В прошлом году они даже как-то вместе пришли в библиотеку, в читальный зал, где читали ругательную статью о «Битлз», напечатанную в журнале «Крокодил». Статья называлась «Жучки-ударники и жук-претендент», в ней «Битлз» почему-то сравнивались с сенатором Барри Голдуотером, и предсказывалось, что «жучки» не смогут долго продержаться на гребне успеха: «не тот калибр».

На эту тему юные озерские меломаны даже заспорили: Алекс утверждал, что «Битлз» еще себя покажут, Женька считала, что «поживем – увидим». Тем не менее те битловские песенки, что она слышала, девчонке очень даже пришлись по душе.

В прошлом году в «Литературной газете» вышла еще одна ругательная статья известного композитора Никиты Богословского «Из жизни «пчел» и навозных «жуков», после чего старшая школьная пионервожатая Тая попросила Женьку рассказать о «Битлз» в таком же критическом духе на классных часах в пятых или шестых классах. Попросила со всей серьезностью, «как комсомолец комсомольца», вернее, комсомолку...

Колесникова тогда от этой почетной обязанности отказалась, заявив, что в творчестве «Битлз» не разбирается, а больше любит джаз... Ругать джаз уже было неактуально, и Тая отстала.

Алекс, не окончив десятый класс, перевелся в областное

культпросветучилище. Как его туда взяли – с коком на голове, в узеньких брючках, в ботинках на «манной каше», в модной курточке-«хулиганке»? Скорее всего, по большому благу – как-то, приехав под Новый год, Алекс проговорился про своего дядюшку-начальника...

– Никакая у нас с Алексом не любовь, если ты об этом, – замедлив шаг, улыбнулась Женя. – Мы с ним просто друзья, как и раньше. Да что говорить? Он же у нас теперь ленинградец!

– Это да-а. – Покивав, Катерина вытащила из сумочки зеркальце, посмотрелась...

Женька фыркнула:

– Да хороша, хороша!

– Ах, Женечка... Сама знаешь, сколько девок вокруг Толика вьется!

– Да уж, Анатолий Иванович – мужчина хоть куда!

Анатолий Иванович Резников появился в Озерске недавно, то ли в конце зимы, то ли в самом начале марта. Просто приехал и устроился на работу в Дом пионеров – вести фотокружок и еще на полставки – ночным сторожем. Молодой двадцатилетний красавец-брюнет с загадочно-туманным взглядом сразу же привлек к себе внимание всей девичьей части Озерска.

Еще бы – холостой мужчина, да еще с налетом некоей загадочности и тайны. Какой черт принес его в эти края?

Всегда чисто выбритый, пахнувший дорогим одеколоном, Анатолий Иванович (для друзей и начальства просто Толик), даже приехав в провинцию, одевался изысканно и со вкусом. Кремовый заграничный пиджак, темные зауженные брюки, штилеты с длинными носами и светлый супермодный свитер-водолазка! Да уж, это вам не доморощенный стилиста Алекс, пополнявший свой гардероб у знакомой портнихи. Здесь сразу же угадывался утонченно-шикарный фирменный стиль...

И что такой человек потерял здесь, в Озерске? Откуда он приехал, зачем, почему? Над этими вопросами сломала голову не одна девчонка... коих новый кружковод отнюдь не чурался, но и головы не терял.

В конце концов через отдел кадров и директора, а кое-что Толик и сам рассказал, выяснилось: Резников приехал из Тарту, что в Эстонии, собственно, не так уж и далеко, почти рядом. Просто сбежал от нелюбимой жены, с которой развелся, но, как оказалось, зря! Некая загадочная возлюбленная – не жена, другая – бросила Толика ради красивой жизни, выйдя замуж за капитана торгового судна (более осведомленные говорили – за первого секретаря местного райкома партии). Как бы то ни было, несчастный молодой человек вынужден был уволиться с работы и переехать... в Озерск, потому как его бабушка или мать были отсюда родом.

– А вообще, я и рыбалку люблю, и природу фотографировать, – сразу же пояснил он директору. – А места здесь у

вас – красивейшие. Да и, скорее всего, ненадолго я к вам – год-другой... Хотя, если вдруг встречу свою судьбу, кто его знает?

Директор Озерского Дома пионеров и школьников Аркадий Ильич Говоров новому сотруднику очень обрадовался: должность надо было закрыть срочно, до конца первого квартала, иначе в горно грозились срезать ставку. Так что нового кружководы Говорову послал сам господь бог... в лице начальника отдела кадров местного горисполкома товарища Раскатова, а вот кто попросил его? Как понял Аркадий Ильич из телефонного разговора – какой-то старый знакомый, профессор из Тарту... Ну, профессор так профессор, да кто бы ни попросил – как раз все сошлось! Бежавший от жизненных неурядиц Анатолий Резников нашел на какое-то время приют для своей мятущейся души, а директор Дома пионеров закрыл горящую ставку новым сотрудником.

– Ну что ж, Анатолий Иванович, хоть на какой-то срок... благодарю за откровенность. Да в иное, честно говоря, и не поверил бы... У вас образование какое?

– Четвертый курс Института культуры... Академический отпуск...

– Ага... Очень хорошо – незаконченное высшее. Только вот, Анатолий Иванович, с зарплатой у нас, сами понимаете... Ставка кружководы – семьдесят три рубля. Правда, есть еще возможность на полставки подработать ночным сторожем...

– Отлично! – Новый кружковод выглядел вполне доволь-

ным. – Так и сделаем. Да, я еще публикую свои фотографии в журнале «Советское фото». Неплохо платят.

– Да? Вот не знал...

Так и появилось в Озерске новое лицо, на женский вкус – довольно-таки симпатичное. С подачи директора новый кружковод без особого труда получил комнату в двухэтажном деревянном доме в самом начале улицы Школьной. Комната, конечно, требовала ремонта, как и сам дом, но это уже не так важно, главное – свое жилье!

Трудился Анатолий Иванович вполне добросовестно, группы набрал быстро и даже инициировал покупку новых фотоаппаратов для своего кружка. Лично ходил в исполком и выбил деньги, на которые и были приобретены четыре фотоаппарата марки «ФЭД-3» с объективами «Индустар», автоспуском и оптическим видоискателем с дальномером. Да уж, «ФЭД» – это вам не какой-нибудь там «Любитель» или «Школьник» – вещь серьезная!

Миновав клуб, выстроенный на пригорке сразу за стадионом уже после войны пленными немцами, девчонки обогнули песчаный карьер, немного прошли лесом и, свернув на Школьную улицу, выбрались к Дому пионеров. Не по-деревенски длинное здание, обшитое досками, с высоким крыльцом и большими светлыми окнами, располагалось на самой окраине городка, недалеко от автобусной остановки, разри-

сованной местной шпаной разными непотребностями, словно какая-нибудь доисторическая пещера! Костер жгли, вино пили, заодно углем рисовали да писали разные мерзости – неандертальцы, что уж поделать. Участковый Дорожкин их гонял, но так, время от времени – ему куда более важных дел хватало. А народ жаловался – мол, с такими-то пещерными остановками мы никогда коммунизм не построим. Так ведь и не обещал никто коммунизм в ближайшем обозримом будущем! Это раньше обещали, когда волюнтаризм был.

– О! – Оглянувшись на остановочную будку, Катя скривила губы и фыркнула, оценив надписи и рисунки. – «Катька дура» – это не про меня. Я ведь умная.

– Ой, опять про Бальзака... И рисунки все те же – одна похабщина, – поддакнула Колесникова. – Не лень же такое малевать? Участковый-то твой куда смотрит?

– И не мой он вовсе. – Поправив косу, Катерина махнула рукой.

Позади послышался рев мотоцикла. Судя по звуку, мотоцикл был тяжелый, не какой-нибудь там «Ковровец», возможно, с коляской даже... Трофейный немецкий «БМВ»...

Девушки обернулись. Из-за поворота выскочил милицкий «М-62», синий, с красной полосой на коляске. Выскочил и тут же затормозил, подняв тучу пыли. Подружки закашлялись.

– Здорово, девчонки! – заглушив двигатель, во весь рот

улыбнулся мотоциклист, худенький симпатичный парень в расстегнутом синем кителе с погонами лейтенанта милиции и форменных галифе – участковый уполномоченный Дорожкин.

Подружки переглянулись – вот ведь, ну надо же – только вспомнили...

– Здравствуйте, Игорь... Яковлевич...

– А с остановкой я разберусь, разберусь, вычислю гадов!

Судя по этой фразе, участковый умел читать мысли!

– Вы велосипедистов тут по пути не видели?

– Не, не видели. А что?

– Да так, – погладив руль, тяжело вздохнул лейтенант. – Опять кражи пошли. И главное, воруют-то всякую дрянь и – друг у дружки. Потом друг на друга же и жалуются. У вас, кстати, тоже велики есть? Так что смотрите.

– Ну, у нас не дрянь, – обиженно прищурилась Катя. – У нас нормальные.

– Все равно внимательней будьте, где попало не оставляйте...

Налетевший ветер растрепал светлую челку лейтенанта, форменная, с красным околышем, фуражка, как всегда, валялась в коляске.

– Что, в студию не ходите больше? – искоса взглянув на Катерину, поинтересовался Дорожкин. – Сергей спрашивал.

Сергей – Сергей Валентинович – был заведующий клубом и бывший одноклассник Дорожкина. На танцевальную

студию участкового загнало начальство – по присланной из райкома комсомола разнарядке, утвержденной служебным письмом Министерства охраны общественного порядка РСФСР: «В целях повышения культурного уровня сотрудников советской милиции». Министерство охраны общественного порядка (МООП) с 1960 года заменило упраздненное МВД, о восстановлении которого ходили самые упорные слухи...

Ну а где служебное письмо, там и отчеты. Деваться некуда, вот и пошел участковый в танцевальную студию! Катерина тоже пошла. Только Дорожкин – по приказу, а Катя – потому что Дорожкин. Он ей тогда нравился. Пока Анатолий Иванович – Толик – не появился... Кстати, все говорили, очень даже неплохая пара получилась! Не только вальсы да всякие там па-де-спани танцевали, но даже и танго... «Ах, эти черные глаза-а...»

– Да некогда мне сейчас ходить, Игорь... Яковлевич. – Стрельнув глазками, Катя мило улыбнулась. – Экзамены. Готовимся вот.

– Поня-атно... Ой, может, вас подвезти? – вдруг спохватился лейтенант. – Вы куда идете?

– Да мы пришли уж. – Катя кивнула на клуб и тут же соврала: – Аркадий Ильич звал насчет практики.

– Ну, раз Аркадий Ильич... – Дорожкин тряхнул челкой и запустил двигатель. – Девчонки... ветлечебница открыта еще, не знаете?

– Не, не знаем. А зачем вам ветлечебница? Служебную лошадь выдали?

– Ха-ха! Ну, пока, шутницы! Мне еще на метеостанцию... Да, девушки, вы бурю-то помните? Ну, три дня назад была. Катерина скривилась:

– Ой, ну скажете тоже – буря! Просто сильный ветер. Да и то недолго.

– Ой, у нас белье унесло! – припомнила Женька. – Главное, только-только развесили!

– Ха, белье! – Катя уперла руки в бока. – У нас вообще крышу сорвало!

– Крышу?! – В голосе участкового звучала какая-то непонятная радость. – Ну, ничего себе! Прямо с избы?

– Да не с избы – с сарая... – охолонула Женька. – Всего-то два ржавых листа и слетело. Максим в армии – вот и некому прибить.

– Хоть и сарай, а все равно крыша. – Узкое лицо участкового сделалось вдруг необычайно задумчивым и даже каким-то загадочным. – Катя... мне сейчас некогда, а вот после обеда заглянула бы ты в отделение? Мне тебя опросить надо... Ну, по крыше...

– Х-хо!

– Очень надо, поверь!

– Ладно, может быть, загляну.

– Вот и славненько! Ну, счастливо.

Резво рванув с места, мотоцикл скрылся за поворотом.

– Хорош гусь! – сняв очки, неожиданно нахмурилась Катерина. – Даже не сказал, как мы классно выгядим! Вот ведь тетеря. Такому и впрямь только на лошади и ездить. На хромой кобыле. Как дядюшка твой, конюх. И не пойду я ни в какое отделение, вот еще!

– Да дядюшка мой не на хромой... А к Дорожкину ты все же зайди. Сказал ведь – очень нужно.

– Чурбан тупой! Платье мое даже не заценил... и твою блузку!

Ох, вовсе не со зла не оценил девичью красоту участковый Дорожкин, не со зла. Не до того ему было: в последнюю – перед отпуском! – неделю навалилась вдруг куча дел, хоть и мелких, так ведь и их нужно было переделать, не оперу же оставлять? Хоть и мелкие дела, а сколько писанины? Два ведра чернил уйдет! Да и не отпустит начальник в отпуск, пока все дела не сданы. Вот и приходилось крутиться с раннего утра и до самого позднего вечера. Ничего, в отпуске можно будет отдохнуть – махнуть на дальние озера, в вепские непроходимые леса. Недели на две, на рыбалку! Вот где красота! И главное, ни бумаг, ни начальства, ни сроков. Эх...

Свернув к озеру, Дорожкин погнал мотоцикл к высохшему болоту и, удачно миновав старую гать, покатыл прямо по лугу. Там, за озером, в маленьком зеленом домишке располагалась метеостанция со всеми полагающимися приборами.

Метеоролог – женщина средних лет в рабочем комбине-

зоне и клетчатой рубашке-«ковбойке» деловито красила во дворе метеобудку. От своего занятия она оторвалась с неохотой и долго не могла понять, какую именно справку от нее нужно?

– А, ветер... Да не такой уж и сильный – порывами... Ну да, три дня назад. Провода вон порвало... Так написать, чтоб понятно? Указать метры в секунду?

– Да. Так и напишите – сколько. А в скобках укажите, что ветер относится к сильным.

– Хм... ну, разве только для наших мест.

После метеостанции Дорожкин заехал в столовку, взял на полтинник комплексный обед: борщ, пюре с котлетой, салат из квашеной капусты и компот. Столовая находилась как раз напротив ветлечебницы...

Слава богу, вислоусый ветеринар Василий все заботы участкового понял правильно.

– Курица? Конечно, птица. А вы думали кто? Хи-хи, динозавр? Ну да, иногда и летает. Недалеко, правда, но – да. Я хоть и не орнитолог, но... Осмелюсь спросить, а что, кто-то кур никогда не видал? Ах, справку... Ну, это пожалуйста.

* * *

– Анатолий Иванович? – Директор Дома пионеров попра-

вил мешковатый пиджак. – Так он на обеде еще. Скоро придет. Вы, девочки, во дворе подождите, там ребята уже...

Во дворе, сразу же за крыльцом, человек семь ребят класса из пятого-шестого играли в «гуси-гуси, га-га-га». Встав в две шеренги напротив друг друга, сцепились за руки...

– Пятого-десятого – Стрекозу к нам сюда! Маринка, беги, чего стоишь-то?

– А? Ага!

Опомнившись, Маринка Снеткова по прозвищу Стрекоза, с тонкими косичками пигалица лет двенадцати, наклонила голову, словно бык на корриде, и отважно бросилась на прорыв. Да вот беда, по пути споткнулась и полетела в траву... Правда, тут же вскочила на ноги, заулыбалась:

– Скользко! Ой! И под ногами что-то валяется...

Под ногами валялась старая, проржавевшая местами табличка, синяя, с серебристыми буквами: «Озерский районный Дом пионеров и школьников». Озерский район упразднили еще года два назад, райцентром стал Тянск, а Озерск – так себе городок... остался. Архив, военкомат, райком и даже редакция местной газеты «Коммунист» – все переехали в Тянск, хорошо хоть кустовая больница осталась, да еще сельскохозяйственное училище. Ну и школа – как же без нее-то?

Нынче вывеску на крыльце повесили другую: «Озерский Дом пионеров и школьников», вот так.

– Здравствуйте, ребята! И вы, девушки, здравствуйте!

Анатолий Иванович Резников наконец-то явился во всей

своей красе, правда почему-то не в пиджаке и остро модной водолазке, нынче педагог был одет попроще: спортивные шаровары с кедами и синяя на короткой молнии олимпийка, которую тоже еще попробуй, достань!

Подтянутая фигура, темные волосы, волевой чисто выбритый подбородок... И дорогой одеколон – на весь двор! Ах-х... Не кружковод – артист!

Поздоровавшись с мелюзгой и отдельно поприветствовав старших, Анатолий Иванович подошел к мелкой Маринке, ласково положив ей руку на плечо:

– Ну, здрасте-пожалте! Не ушиблась?

«Здрасте-пожалте» или «здрасте-пожалста» – было такое у Резникова любимое присловье. Как у некоторых – «это самое», «б-э-э», «м-э-э», «э-э» или чего похуже.

– Не-а... Анатолий Ваныч, тут вон чего! – Мотнув головой, девочка указала на вывеску.

– А! Так это ее, верно, ветром от крыльца отнесло... Ветер-то какой был!

– Ой, у нас забор повалило!

– Это старый-то?

– Да не забор у вас и был-то!

– У нас не забор? Да я как сейчас...

– Так, стоп! Здрасте-пожалте! – Разняв мелюзгу, Резников торжественно поручил им вывеску. – Несите к сараю, от греха. И... куда мы сейчас с вами отправимся?

– На карьер! – хором прокричали ребята. – Фотографи-

ровать лес.

– Не, здрасте-пожалте... – Бросив взгляд на старшеклас-
сниц, Анатолий Иванович поспешно спрятал улыбку. Уж конечно,
в таком виде им не на карьер идти – на подиум!

– На карьер мы как-нибудь в следующий раз...

– У-у-у, а вы говорили – на карьер!

– Нынче мы с вами – на озеро.

– Ур-ра-а! Анатолий Ваныч, на какое озеро? На Малень-
кое или на Среднее?

– На Маленькое... Там луга какие! Цветы!

– Ага... А искупаться можно будет?

– Ну, здрасте-пожалте... У кого купальники есть. – Рас-
хохотавшись, Анатолий Иванович шутливо погрозил паль-
цем. – Однако прошу не забывать, главная наша задача –
что?

– Что?

– Научиться делать высокохудожественные снимки! Все
понятно?

– Ага!

...Тогда за мной. За фотоаппаратурой... Будем снимать
пейзажи и... – Тут кружковод оглянулся на девушек. – И по-
жалуй, портреты тоже. Прекрасно выглядите, Катерина! И
вам, Женечка, эта блузка очень идет.

Девчонки смущенно зарделись. Впрочем, именно на такой
эффект они и рассчитывали.

Взяв фотоаппараты, ребята всей ватагой направились к

озеру. Миновав тенистую лесную дорогу, вышли на луг, тут же взорвавшийся прозрачными шариками одуванчиков. Уже распускались ромашки и клевер, проглядывали кое-где первые колокольчики и разноцветные луговые фиалки, а ближе к озеру – лютики.

– Ах, что же за красота!

Шелестела, качаясь, трава, клонились к самой воде ивы, в отмутке, за камышами и рогозом, плескалась рыба...

– Все же какие красивые у вас места... А ну-ка, Женечка, снимите... Смотрите в видоискатель... Дайте больше диафрагмы... Выдержку меньше... ага... Теперь старайтесь, чтобы этот куст получился резким, а все остальное – как бы размытым... Катерина, у вас как? Получается?

– Да, вроде бы да... Анатолий Иванович, а давайте вместе сфоткаемся?

– Здравствуйте-пожалте! Ну, говорил же – фотографироваться не люблю! Я не фотогеничный, девушки, не то что вы... Вы лучше мне про места ваши красивые расскажите. Вот, к примеру, эта дорожка куда ведет?

– Эта? На Школьную.

– А дальше?

– Дальше – на грунтовку выходит, по деревням. – Катя наморщила носик. – Там фермы еще... И усадьба заброшенная.

– Да-да – усадьба, – подхватила Женька. – Графа Возгина... Он после революции за границу сбежал граф-то, а

усадьба... Там до войны лагерь полевой на сенокосах был, а сейчас ничего нет – деревни-то переселили. Но места там красивые, у меня там бабушка раньше жила.

– Точно красивые? – Покрутив объектив, Анатолий Иванович направил фотоаппарат на девушек. – А ну-ка, улыбнулись... Оп!

– Красивейшие там места! – мечтательно прикрыв глаза, протянула Женя. – Прямо глаз не оторвать! Там такие пологие холмы, долины и лес. И усадьба, конечно же...

– Я почему спрашиваю, думаю, куда бы нам походом пойти, – тут же пояснил кружковод.

Подружки обрадованно переглянулись.

– Ой! С ночевкой?

– Ну разумеется. – Анатолий Иванович как ни в чем не бывало пожал плечами. – От Дома пионеров, со всей нашей мелюзгой. А вы бы – вожатыми, в качестве практики. Если хотите, конечно.

– Ой, у нас экзамены...

– Так вы уж к тому времени сдадите... И помните, я как-то про практику говорил?

– Не знаю даже... – задумчиво прошептала Женя.

Ушлая подружка тут же ткнула ее локтем в бок:

– Конечно, Анатолий Иванович, пойдем! Хоть сейчас записывайте.

– Ну, вот и славненько! А то мне одному с мелюзгой тяжело... А начальство поход требует. По плану, видите ли...

Потянувшись, Резников посмотрел вдаль:

– Здрасте-пожалста... вот и велосипедисты...

– И кто бы это? – настороженно всмотрелась Катя. – Господи, Кротова... Ишь ты, вырядилась, ага...

Велосипедистка быстро приближалась. Дамский, с низкой рамой, велосипед, красивый, блестяще-синий, изящный, как-то не очень гармонировал с одеждой его владелицы – долговязой рыжеволосой девицы, впрочем вполне даже симпатичной.

К такому велосипеду, наверное, больше пошла бы изящная длинная юбка, блузка с цветами и шляпка... но уж никак не короткие спортивные трусы с белыми лампасами и майка, завязанная узлом сильно выше пупка. Стройные загорелые бедра, упругий живот, угадывающаяся под майкой грудь – девушка явно знала себе цену.

Еще бы... Светка Кротова окончила десятый класс и считалась оторвой. Поговаривали, что Светка частенько дерется на танцах, да и вообще, связалась с дурной компанией, так что оторви да брось! И надо ж такому случиться, что Кротова тоже положила глаз на нового кружковода! Даже записалась в фотокружок.

– Ну вот, только ее и не хватало, – склонившись к уху подруги, рассерженно зашептала Катька. – Специально так оделась... вернее, разделась... Вот ведь зараза, а? И как только не стыдно?

– Здравствуйте, Анатолий... Девчонки, привет...

Ишь ты – Анатолий! А с девчонками через губу – «привет»...

– Еле вас нашла... Аркадий Ильич сказал, что вы к озеру... Ой, меня сфоткаете? Класс! Славно! Анатолий, а вы завтра на танцы пойдете? И я тоже пойду... Говорят, Сережа новые пластинки привез. Потанцуем!

К чести Анатолия Ивановича, надо сказать, тот держался с развязной девицей вполне корректно и ровно, не позволяя себе даже усмешки.

– Фотографироваться? Что ж, здрасте-пожалте, идем. Вон у того камня прекрасный вид... Ну, с кого начнем? Давайте с вас, Женечка. Поставьте ногу на камень... вот так, да... Снимите очки... дайте сюда... Теперь задумчиво смотрите вдаль... Оп-па! Катя, давайте снимите подружку... И вы, Светлана, улыбнитесь... Ну, улыбнитесь же! Ах, какая у вас улыбка красивая...

После таких слов Кротова аж вся расплылась!

– Анатолий... вы меня, пожалуйста, у озера снимите... И вот у тех красивых цветов...

Мелюзга между тем отважно бросилась купаться, не обращая внимания на холодную воду – на дне Маленького озера било много ключей, и водичка здесь прогревалась куда медленнее, нежели на соседнем Среднем. Зато и почище была!

Лишь один мальчишка, Ващенко Коля, не купался – сидел себе скромненько на берегу с книжкой, надвинув на нос очки. Вокруг не смотрел, на купающихся ребят не отвлекал-

ся, видно, читал что-то по-настоящему интересное, иногда даже смеялся. Ну, что с него взять – отличник, зануда, книжный червь! Так его все и звали. От природы стеснительный, худенький, со светлую челкой, Коля жил вдвоем с мамой, Валентиной Кирилловной, детским врачом, женщиной хорошей и доброй, правда слишком доверчивой. Дети звали ее тетя Валя, а многие просто – Валя, поскольку ведущему педиатру Озерской кустовой больницы не исполнилось еще и тридцати. Красивая, светлоглазая, худенькая, она привлекала многих мужчин, но, увы, один раз обжегшись, была холодна. Именно Валентина привела сынишку в фотокружок, чтобы Коля хоть с кем-то общался. Сам-то бы он ни за что не пришел – застенялся, так бы и просидел в своей библиотеке.

– Айда нырять, парни! А вот кто до того берега? Кто?

– Ох, не утонули бы! – озабоченно спохватился Резников.

Бросив девчонок, подбежал к мосткам:

– А ну-ка, на общее фото! Быстренько вылезли, построились... Во-он у той березы... Девушки! Давайте к нам...

По возвращении домой Женька еще издали заметила белеющее сквозь дырки почтового ящика письмо. Сердце так и кольнуло – вдруг от Максима? Ну, вдруг?

Зажмурясь, девушка вытащила конверт... медленно распахнула веки...

Ну, точно – Максим!!!

Усевшись прямо на ступеньку крыльца – да черт с ней, с

юбкой, – Женька разорвала конверт и...

«Женя, беда! Срочно нужна твоя помощь!»

Глава 2

Озерск. Июнь 1965 г.

Отделение милиции располагалось в приземистом деревянном здании, сильно вытянутом в длину, выкрашенном в бодрый ярко-зеленый цвет – на радость проходящему мимо люду. Рядом с милицией, с торца, виднелся пожарный водоем, именуемый местными жителями пруд. В пруду плавали утки. Как раз в этом месте центральная улица Озерска – Советская – делала резкий поворот, о чем всех водителей честно предупреждали соответствующим дорожным знаком. Однако некоторые водители постоянно на что-то отвлекались либо вообще были подслеповаты. Так, кроме уток, в пруду частенько «отдыхала» какая-нибудь автомашина, а иногда и трактор. Хорошо – неглубоко, технику доставали быстро.

Завидев оставленный у крыльца мотоцикл, Катерина Мезенцева сняла очки и, одернув платье, вошла в помещение...

– Здравсте, дядя Петя! И ты, Николай, здравствуй!

Проходя мимо дежурки, девушка вежливо поздоровалась, как и принято было в городке, где почти все друг друга знали.

– И тебе привет, Катерина. Что, брат-то пишет?

– Да пишет... Лейтенант Дорожкин на месте?

– Лейтенант Дорожкин на месте, – усмехнулся усатый старшина. – Как раз только-только явился.

Покосившись на строгую табличку с фамилией, званием и должностью, девушка осторожно постучала в дверь:

– Можно?

Участковый оторвался от заваленного бумагами стола, вскинул голову:

– А! Заходи, Катя. Чаю хочешь?

– Не, я на немножко. Чего звал-то?

– Да ты садись. – Шмыгнув носом, участковый указал на стул и, положив перед собой чистый бланк, обмакнул перо в ученическую чернильницу-непроливайку. – Ты про крышу вашу расскажи, Катя. Ну, которую ветром...

– А, вон ты про что! – усаживаясь на стул, хмыкнула Катерина. – А я уж и забыла. А что, тут преступление, что ли? По-моему, так никакого. Или ты ветер привлечь собираешься?

– Да ладно тебе заедаться-то. – Дорожкин устало улыбнулся. – Ты по отчеству-то у нас кто?

– Петровна.

– Значит, я, Мезенцева Катерина Петровна, одна тысяча девятьсот...

– ...сорок девятого...

– ...сорок девятого года рождения, седьмого марта, кажется?

– Ну да, седьмого... А ты что, забыл?

– Да не забыл – просто уточняю... Итак, в тот день был сильный ветер... Нет! Очень сильный ветер.

– Скажи еще – ураган!

– Давай про ветер расскажи! Про то, как крышу с вашего сарая сдуло...

– Тоже мне, крыша! – расхохоталась девчонка. – Давно уже проржавела вся.

Лейтенант замечание проигнорировал, наоборот, аккуратно записал, что крыша была из кровельного железа.

– Больше-то ничего не сдуло? Забор не повалило?

– Не, забор – это не у нас. А! Белье у соседей унесло...

– Понятно... – Аккуратно промокнув чернила розовой промокашкой, Дорожкин пододвинул бланк посетительнице. – На вот, распишись здесь... Ага, спасибо. В клуб завтра пойдешь?

– Да, может быть, – поднимаясь, улыбнулась Катя. – Чего еще делать-то? Ладно, увидимся... Если еще чем помочь, скажи.

– Скажу... Брат пишет?

– Угу... Ну, пока...

Выходя, девушка столкнулась в дверях с коротко стриженным крепышом в серой, с закатанными рукавами рубашке и вежливо посторонилась... Впрочем, крепыш тут же и сам отскочил в сторону, сделав галантный жест:

– Прошу.

– Спасибо.

– Завсегда пожалуйста.

Парня этого Катерина знала – он тоже работал в милиции, правда, в форме редко ходил... Как же его? Тоже Игорь, как Дорожкина? Нет, другое какое-то имя... странное... купеческое, что ли... Игнат!

– Ничего себе, какие к тебе девки ходят! – Игнат уселся на подоконник и вытащил серовато-синюю пачку с изображением черного всадника-абрека на фоне ослепительно-белых гор. – Кури!

– Ух ты, «Казбек»! – Взяв папиросу, Дорожкин чиркнул спичкой. – Богато живешь! Раньше-то «Примой» перебивался...

– Да я бросаю... второй год уже... – выпустив в распахнутую форточку дым, отрывисто пояснил Игнат. – Потому и покупаю подороже, чтобы много не брать. «Прима»-то – четырнадцать копеек, а эти – шестьдесят пять. Сравни!

– Да уж, интересная метода. Я тоже, кстати, бросаю... – Стряхнув пепел в стоявшую на краю стола фарфоровую пепельницу, участковый покачал головой и поинтересовался насчет текучки: – По мотоциклу-то Дормидонтыч тебе материал расписал?

– А кому же. Там же без лиц... Хорошо хоть, мотоцикл нашелся.

– Да, хорошо... Игнат, ты не думай, я все свои материалы к отпуску сделаю, тебе не оставляю.

– Да мне-то чего? Дормидонтыч проговорился: на твой отпуск участкового из Тянска пришлют... Может быть. Какого-нибудь стажера.

Дорожкин многозначительно поднял вверх указательный палец:

– Вот именно – может быть! А насчет стажера так скажу – лучше уж самим. Большого толку от него все равно не будет.

– Да это понятно, что не будет. И все же Дормидонтыч обещал...

Майор милиции Иван Дормидонтович Верховцев, фронтовик и вообще человек уважаемый, как раз и был начальником Озерского отделения милиции, в котором, кроме участкового Дорожкина, техника-криминалиста Теркина и всех разных прочих, состоял в должности инспектора уголовного розыска и старший лейтенант милиции Игнат Ревякин – парень добросовестный и честный, правда немножко грубоватый. По работе Игнат за словом в карман не лез и к любому начальству относился без всякого пиетета, все, что думал, мог высказать прямо в глаза. Вот и сослали его из Тянска в провинцию... Что, наверное, не так уж было и плохо: кругом природа – озера, речка, леса, ягоды-грибы, охота-рыбалка. Тут же и родственница его жила – тетя Глаша, да еще комнату в бараке дали. И что с того, что в бараке, зато своя! Да и соседи хорошие... Ну и оперативная работа, что и говорить, интересная...

– Так у тебя это... материалов-то много? – выбросив оку-

рок в форточку, на всякий случай поинтересовался опер.

– Да так... Самое главное – по курам – я уже отказал, один чертов велик остался. Вот его точно тебе передадут. Уж извини...

– Ладно, разберемся... – Игнат потер ладони. – А по курам-то что?

– Так отказной только что вынес! На вот, взгляни... Может, какие ошибки заметишь, ты же у нас студент!

Ревякин четвертый год учился заочно на юридическом факультете и периодически уезжал на сессии, о чем все в отделе знали.

– Ну, давай... «Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела»... так-так... «мной, участковым... лейтенантом милиции»... тыр-пыр... «установлено»... Ого!.. Ага!.. Ух ты!

По мере чтения лицо инспектора УГРО выразило целую гамму быстро сменяющихся чувств – от легкой заинтересованности до деланого негодования и самого искреннего восхищения, закончившегося раскатами громового смеха.

– Ой, Игорек... Ой, не могу... Курица, говоришь, птица? Умеет летать? Меткое наблюдение... Ох ты ж... Глубоко копаешь!

– Это не я копаю, – обиженно отозвался Дорожкин. – Это в справке из ветлечебницы так написано. Вон же, читай!

– Ох ты... Еще и с метеостанции справка... О сильном ветре... Ну да, ну да, ветер. Смотрю, и граждане опроше-

ны... Белье улетело... Ого, у некоторых даже крышу снесло!

– Между прочим, из кровельного железа!

– Да я верю, верю... А в чем там дело-то?

Участковый покосился на висевший над сейфом портрет нового первого секретаря ЦК Леонида Ильича Брежнева. Потрет Игорю нравился, как и сам новый партийный глава – бровастый такой, красивый... не то что недавний волонтерист Никита Сергеевич!

– Так дело в курах, Игнат, – усмехнулся Дорожкин. – На Колхозной, ближе к окраине, у бабки Салтычихи двух кур унесли. Там эти неподалеку живут, Дебелый да Ванька Кушак...

– Понял. Алкашня конченная. Короче, сожрали бабкиных кур.

– Сожрали... Только доказательств тому никаких нет! А гражданка Салтыкова Дарья Семеновна, бывший секретарь, грамотная. По малозначительности не откажешь.

– И как это – доказательств нет? – не поверил опер. – Они что же, под одеялом этих чертовых кур жрали?

– Рядом, в лесочке... На костре опалили, запекли и... Под самогонку-то – милое дело.

– Да уж, по самогонку-то... Что – вдвоем?

– Еще Валька Кобыла. Но она, сам знаешь, не расколется. И эти гады молчат – знают, что на волоске ходят.

Участковый досадливо скривился и снова закурил, на этот раз свои – «Приму». Ревякин тоже вытащил папироску – так,

за компанию. Затянулся, посмотрел в потолок и задумчиво произнес:

– А вот эта твоя справка из метеостанции мне так очень даже нравится! Слушай, дай-ка я копию сниму... Еще бы и людишек адреса – ну, тех, что про ветер...

Дорожкин про себя хмыкнул: опер явно что-то задумал, захотел списать какой-то гнилой материал... Что ж, удачи.

Докурив, Ревякин ушел было, но тут же приоткрыл дверь, показав большой палец:

– А девчоночка-то – ничего! На французскую артистку похожа... Эту, как ее... Ну, Бабетта... Брижит Бардо!

* * *

«Женя, беда! Срочно нужна твоя помощь...»

Колесникова еще раз внимательно перечитала письмо, уже в своей комнате, перечитала и теперь не знала, что делать и как поступить.

«...Вся беда в сестре моей, Катьке. В том, что она снова влюбилась, о чем и мне хвастала, написала. И какая любовь может быть? Женя, он же ее старше на десять лет! Какие тут могут быть отношения – смех один. Потому я тебя попросил бы, если возможно, Катьку от себя не отпускать и обо всех этих отношениях писать мне. Мать расстраивать не надо. А я уже взрослый, я во всем разберусь и что-нибудь посоветую, пока не стало поздно».

Впрочем, на этом письмо не кончалось, Максим описывал Будапешт:

«Здание парламента очень красивое, красив и Дунай, и мосты, особенно – Цепной мост, он же мост Сечени. Тут как бы два города: Буда – где холмы, и дворцы, и бастиионы – и Пешт – на другом берегу реки. Там и парламент, и все вокзалы. Еще здесь много купален, но в увольнение нас не отпускают, не положено, зато часто возят на экскурсии, в музеи и еще – в оперу. Ференц Лист в большом почете! Нашей учительнице пения понравилось бы. Еще часто крутим в ленкомнате кино. «Чапаева» семь раз смотрели и пять раз – «Коммуниста». И еще – фильмы из социалистических стран, не только венгерские. Вот польский недавно смотрели, со знаменитым артистом Цыбульским. Детектив, правда, без перевода, но там и так все понятно.

Да! Что касается музыки посовременнее, то офицеры рассказывали: здесь много всего. Вздвонный наш, Андрей, – хороший парень, боксер. У нас в красном уголке есть телевизор, там тоже много чего показывают, и не только венгерского, с неделю назад даже показали «Битлз», правда, немного, всего-то пару песен. Из местных очень популярен один ансамбль, они называются «Иллеш», тебе, наверное, понравились бы. Правда, офицеры в городе их пластинок не видели или просто внимательно не смотрели. Еще есть молодой парень – Янош Коош, тоже певец, такой бодренький. Ну,

вот, пожалуй, пока и все. О службе своей писать не буду – не имею права, да ты и сама все понимаешь. Прошу, не забывай о моей просьбе, иначе точно – беда.

С приветом, Максим. 21 мая 1965 года.

Венгрия. Будапешт.

Ну, ничего себе!

Макс просил последить за родной сестрой! Понятно, что из лучших побуждений, но все-таки... Это ведь как-то даже и некрасиво. По крайней мере, именно так казалось Женьке. А еще казалось, что Максим решил просто-напросто использовать ее в своих планах, пусть даже и вполне благородных, но все равно – использовать! И от этого на душе стало как-то пусто и мерзко. Главное, посоветоваться-то не с кем – ну, не с родителями же, а больше близких друзей-подруг, кроме Катьки, у Жени, пожалуй, и не было.

Как-то грустно стало. Совсем...

Бросив на диск проигрывателя пластинку Ива Монтана, Женька продолжала грустить. Французский певец проникновенно пел про опавшие листья... то же самое продолжила певица Колеетт Ренар, маленькую пластиночку Женя купила в Риге. Та же самая песня, те же самые слова... но как-то у Монтана выходило получше... «Листья» Монтана трогали за душу, а у Колеетт Ренар – нет. Почему? Может быть, Женька судила сугубо предвзято, все-таки Монтан был одним из ее любимых певцов.

Предвзято... Вот и Максим там, в Венгрии, судит о своей

сестре точно так же! Именно что предвзято! Да и прав он – какая там любовь. Просто увлечение! Так ведь бывает... И что с того? Вот если разобраться: в чем выражается увлечение подруги молодым и красивым руководителем фотокружка? Ведь чуть раньше она точно так же увлеклась симпатичным милиционером Дорожкиным. Он Катерину даже на мотоцикле катал, правда, не на служебном – на личном. Катька даже как-то обмолвилась, что, мол, даже не целовались! Ну, вот еще, он же лейтенант, а она кто? Ну, старшекласница, но... Тем более ничего такого не было с Анатолием Ивановичем. Было бы – Женька бы знала, Катька бы не преминула, похвасталась. А тут – нет. Значит, ничего и нет. Тем более Анатолий Иванович – очень хороший педагог и вообще человек серьезный. Серьезнее даже, чем Дорожкин!

Так вот и написать! Так вот прямо...

Женька схватила листок бумаги и авторучку с «Гагариным» – старый папин подарок...

«У тебя очень хорошая сестра, Макс. И ты это знаешь. Как и то, что Катя – моя лучшая подруга. Ты спрашиваешь меня не только о ней? Могу написать только то, что знаю, и что вижу, и что чувствую. Анатолий Иванович – очень хороший и добрый человек и ничего себе такого не позволяет. Тем более тут есть еще одна девица...»

Подумав, Женька эту фразу вычеркнула. Потом взяла новый листок, переписала письмо набело. Все так, как думала. Написав, успокоилась – в конце концов, ничего такого Мак-

сим и не просил, просто тревожился за сестру, он ведь не мог приехать!

«Вообще-то Анатолий Иванович – забавный, мы его прозвали «здрасте-пожалте»...» Или не писать это? Хотя ладно, пусть будет.

«А еще он очень похож на польского актера Збигнева Цыбульского из фильма «Девушка из банка». Фильм интересный, детектив. Наверное, именно его ты и видел».

Назавтра Катерина заявила прямо с утра, часов в девять, и, пока Женька заваривала чай, со смехом пересказывала вчерашний визит в милицию.

– Игорь, вот же дурачок, такую чушь спрашивал. Все про ветер, про крышу нашу... Вот ведь заняться нечем совсем. А? Как думаешь?

– Думаю, в милиции служба серьезная.

– Это ты слишком серьезная... Вообще, вон смурная вся. Случилось что? Не с той ноги встала?

– Да так...

Женя, естественно, не стала рассказывать про письмо, да подружка особенно ни о чем ее и не расспрашивала, так, болтала просто.

– Вчера Вальку Корякину видела, из десятого «Б». Прическа – мама дорогая! Тут вот все выстрижено, а тут как бы каре, но распущено все, и челка с начесом на самые глаза. Неужели на танцы так вот и явится? А она может. Как и по-

дружка ее, Светка... Видала, как она вчера? Нет, ну ни стыда ни совести – считай, голышом! Все ради Толика, уж я-то знаю...

– Так у вас с Анатолием что, серьезно все? – поинтересовалась Колесникова, выложив на стол, рядом с проигрывателем, разноцветные конверты с пластинками. – Ну, выбирай, что слушать будем.

– Ух ты! Как много у тебя всего, – перебирая конвертики, восхитилась Катя. – Эдит Пиаф... «Прекрасная история любви»... На французском языке – ну, это и так понятно, раз уж Пиаф. Чего подписывать-то? Для совсем уж темных? Та-ак... Марлен Дитрих... Музыкальный калейдоскоп... Поет Коlette Ренар... А это кто еще? Тоже французская?

– Ну, такое себе, – честно призналась Женька. – «Опавшие листья» Ив Монтан лучше поет.

– Так Магомаев-то где?

– Да вот же – «Лучший город земли»!

– Ставь, ставь скорее! Да, а с Анатолием у нас... я даже сама не знаю как... – Усевшись на софу, Катя вытянула ноги. – Уж хотелось бы, чтобы по-серьезному... Да он серьезно, по-моему, вообще ни с кем. И напрасно Кротова, змеюга, надеется! Между прочим, он меня сегодня пригласит на вальс. Ну, или на какой другой танец... Вот точно пригласит, веришь?

– Ну-у... не знаю...

– А я знаю! Пригласит. И ты увидишь, какое лицо будет

у этой дуры Кротовой!

– Ты это... С Кротовой бы поосторожнее. Всякое про нее говорят.

Предупредив подругу, Женька аккуратно опустила иглу на бороздки пластинки...

Послышался слабый треск...

– «По переулкам бродит лето...» – бодро запел Магомаев.

Откинувшись на софе, Катерина закрыла глаза от удовольствия.

Нынче она не заплела косу, а заколола волосы перламутровой заколкой. После окончания песни вопросительно взглянула на подружку:

– Ты что молчишь? Идет мне прическа-то или... не совсем?

– Очень идет! – моментально заценила Женька. – Ты прям как артистка!

– Вечером еще начес сделаю и стрелки. – Вскочив, Меценцева посмотрелась в зеркало. – Тебе тоже стрелки подведу. И губы покрасим, у меня помада есть, последний писк – перламутровая!

– Ой, Катька... – засомневалась Женя. – Помада, говоришь, стрелки... А как же мы по улице-то пойдем? Светло ведь еще будет, да и людей полно. Обязательно родителям доложат!

– А мы по Южной, лесочком... А губы можно и за клубом покрасить... А потом – стереть.

– Вот-вот, стереть не забыть бы.

– Эй, подруга, – покривлявшись перед зеркалом, обернулась Катерина. – Тебя вообще родители-то отпустят?

– Отпускали же. – Женька немного обиделась за родителей. – Тем более экзамены-то я хорошо сдаю. Даже математику – на четыре!

– Ну да, ну да, ты же у нас умная. Снова блузку наденешь? С белой юбкой и гольфами?

– А что еще-то? Ты ведь тоже в синем платье пойдешь?

– Ну да... Эх, жаль, что ты такая тощая! А то бы поменялись.

– Ага...

Небогато еще жили, откровенно говоря, бедно, особенно здесь, в провинции. Это и еды касалось, и всякого рода вещей, и одежды. Из чего-то праздничного, так сказать, на выход, обычно имелось что-то одно, много – пара. Красивое платье либо блузка и пиджак. Лучше, конечно, блузка – ее можно было с разными юбками носить, у кого они имелись. О брюках же провинциальные барышни пока что даже и не помышляли. Впрочем, время летело быстро... Еще года три назад странно было бы с распущенными волосами появиться, обязательно – заколка, а лучше – благонадежнее! – заплести жиденькие такие косички с коричневатыми лентами. Раньше – только так, а вот нынче... Нынче и с распущенными волосами можно стало. Правда, бабуся вслед плевалась по-прежнему, могли и нехорошим словом обозвать – запро-

сто!

Близкие подруги обычно одежкой менялись и не видели в том ничего зазорного. Юбку и блузку – на платье, платье – на приталенный, с накладными карманами пиджачок, иностранному – блейзер.

– Надо все-таки крышу покрыть, – вспомнила вдруг Катерина. – А то придет Макс из армии, а у него в сарае все сгнило! Скажет: ну и сестрица.

– Так вам нанять надо кого-нибудь незадорого. – Женька покивала и призадумалась, забавно наморщив лоб. – Я могу дядюшку попросить... Только он... Он, скорее, за водку только согласится...

– Маленькая в «Заре» – рубля полтора, – тут же прикинула практичная Мезенцева. – Пойдет! Плюс еще – чем покрывать? Толью, что ли... А, черт с ним, те же листы пусть и прибьет аккуратненько. Сможет?

– Сможет, но... – Женя виновато вздохнула. – На маленькую-то он не согласится... А «Московская особая» – два восемьдесят семь.

– Ничего себе! – ахнула Катя. – Колесникова! Ты откуда водочные цены знаешь?

– Так мы сами недавно ремонт делали. Еще и краска осталась... и гвозди всякие...

Девчонки замолчали и переглянулись.

– Кать... – негромко протянула Женька. – Так, может, не стоит никого нанимать? Неужто мы с тобой сами не спра-

вимся? Два листа не прибьем? Прямо вот сейчас и пойдем. Инструменты-то у вас найдутся?

– Инструментов – целый сарай. – Катерина покусала губу. – Слушай... А может, завтра?

– А вдруг дождь? Нет уж – лучше сразу. Да за час управимся, чего там! Вот что! Еще и краску прихватим, синюю. У нас с полведра осталось.

Женька тут же и переоделась, натянув старые треники и рубашку в клетку. Мезенцевы жили на Пролетарской, неподалеку, но это, опять же, смотря как идти. Можно огородами, можно по Южной, лесом, а можно и через центральную, Советскую улицу, да еще заглянуть на площадь, в промтоварный.

Последний момент как раз и показался подружкам наиболее подходящим – как это, в магазин не заглянуть? Тем более в субботу, в конце рабочего дня. Вдруг да что-нибудь выбросят?

На свой рабочий внешний вид Колесникова решила не обращать внимания. Мало ли кто как ходит? Тем более народ с работы пойдет, тоже одетый не по-праздничному. Да и людей посмотреть, местные новости-сплетни послушать – за этим тоже на площадь, к магазинам да к деревянному дому быта.

За домом быта, на пригорке у винного магазина «Заря», уже змеилась очередь, от крыльца и почти до хлебного ларька. Состоявшая практически из одних мужиков очередь бла-

гостно матюгалась и исходила густым папиросным дымом. И это притом, что до конца рабочего дня в том же леспромхозе, по самым смелым прикидкам, оставалось еще часа два, и еще учитывая «короткий» день – субботу. Ждали продавщицу, Лариску, что-то она нынче задерживалась с обеда. Ожидая, в очереди живо обсуждали важные политические моменты, а именно – два праздника, объявленных нерабочими днями именно с этого года. Если в порядке хронологии, то первый был Восьмое марта, а второй – Девятое мая. Насчет Девятого мая – Дня Победы – соглашались все, а вот по Международному женскому дню в очереди возникли разногласия.

– Вот еще, бабьи праздники праздновать!

– Не скажите, мужики. Отдыхать-то нужно.

– Так ты бы, Ваньша, всю жизнь отдыхал.

– Тебе только дай волю!

Небритый мужичонка в рваной майке и засаленных, непонятного цвета штанах обиженно отвернулся... и вдруг радостно закричал:

– Идет, идет! Здорово, Лариска! А мы тут тебя заждались.

– Кому Лариска, а кому – Лариса Петровна, – поднимаясь по крыльцу, желчно фыркнула продавщица – дебелая женщина лет тридцати пяти с круглым раскрасневшимся лицом и большой арбузно-круглой грудью.

– Ишь ты – Петровна... – ничуть не обиделся алкаш. – Забыла, как в пятом классе у меня списывала?

– Это кто еще у кого... Мужики, засов подержите... Ага...

Ну, что? В порядке очереди – прошу.

– Ларис, вино-то хоть какое есть?

– Болгарское, по трешке.

– По трешке? Одна-ако! А подешевше?

– Подешевше – «Ркацителѝ» – два тридцать.

– Да брось ты, Иваныч, лучше водки возьми, – с хохотом посоветовали из толпы.

Бывший колхозный счетовод Рахим Иванович Галиев – пожилой мужик в широченных светлых брюках и вышитой летней рубаше навывпуск – недовольно покачал головой и погрозил зубоскалу сухоньким кулачком:

– Я вот тебе!

Все снова засмеялись. Между тем дело едва не дошло до драки – грузчики из райпо нагло влезли не в свою очередь, при этом ссылались на алкаша Ваньку:

– Мы за Кущакѝм занимали. Верно, Вань?

– Ага, занимали! Да он за два глотка что угодно подтвердит! Одно слово – алкота.

– Кто бы говорил!

Очередь вдруг притихла: где-то совсем рядом послышался рокот тяжелого мотоцикла, и на пригорок с разбега въехал милицейский «М-62». Синий, с красной полосой на коляске. За рулем важно восседал Дорожкин.

Завидев участкового, Ванька Кущак галопом скрылся в кустах.

В промтоварном явно что-то выбросили! Конечно, очередь там образовалась куда меньшая, чем в «Заре», и чисто женская, но тоже изрядная.

– Я быстренько загляну, – решительно завила Мезенцева.

Кивнув, Женька поставила ведро с краской на край тротуара и, дожидаясь подружку, принялась глазеть на идущих с автостанции людей – как раз подошел рейсовый автобус из Тянска – тупорылый красно-белый «ЗИС-155». В таком вот «жестком» автобусе билет до Озерска стоил один рубль, в «мягком» же и куда более комфортабельном «ЗИЛ-127», как и в недавно появившемся на рейсе «Икарусе», – рубль тридцать. Разница существенная, на тридцать копеек можно было целую бутылку лимонада купить – и еще две копейки куда-нибудь позвонить оставалось. Еще можно было сходить в кино – даже на удлинненную программу, с киножурналом. Да что там говорить, многие в городке получали рублей по сорок – шестьдесят в месяц, не особенно-то разъездишься.

Никого из близко знакомых Колесникова так и не увидела, если не считать двух мальчишек... Да-да, вот именно, их считать и не стоило, подумаешь – мальчишки, да еще младше года на четыре, Женька с такими как раз и работала по комсомольскому поручению – вожатой в младших классах.

– Жень, привет! – радостно поздоровались ребята. Одного – повыше и поплотнее, стриженного почти под ноль, – звали Юриком, второго – совсем уж мелкого, со светлой челкой – Пашкой. Одеты, как вся мелочь, во что бог послал, по-лет-

нему: широкие трусы, майки, тубетейки. Пашка так тот вообще – босиком. Он из неблагополучной семьи, кажется...

– Женя, это что у тебя, краска?

Уж, конечно, может быть, им и приятно было со взрослой красивой девушкой поговорить, тем более с вожатой, но Колесниковой такая беседа на глазах у прохожих как-то ничуть не улыбалась. Одно дело – в школе, и совсем другое – на площади, в людном месте. Тут же сплетни пойдут – Женька-то Колесникова со всякой мелочью дружит, значит, и сама ума недалекого. Вот примерно так...

Скорее бы уж Катька вернулась! Что она так долго-то? Очередь заняла?

– Жень, а давай мы тебе поможем ведро донести? – прищурившись, неожиданно предложил босоногий Пашка.

А вот это было бы неплохо! Женя только сейчас почувствовала, как сильно устала. Хоть и полведра, а все равно тяжело, руки оттянулись. Да, подруга предлагала помочь, но... куда ей в таком-то платье! Еще испачкается...

– А и помогите, – снисходительно улыбнулась Колесникова.

– Мы тебе донесем, а ты нам немножко краски дашь, – между тем продолжал Пашка.

Девушка усмехнулась:

– А, вот оно что! А я думала, вы так, бескорыстно.

– Так мы – бескорыстно! Только ты нам краски отлей. Ну, хоть небольшую баночку!

– Вымогатели! – оценила Женька. И тут же рассмеялась. – Ладно, так и быть – отолью. Вам зачем краска-то?

– Велик покрасить! – с гордостью сообщил босоногий... и тут же получил подзатыльник от своего спутника. Наверное, что-то не то сказал. Впрочем, Женька в разговор с мелкотой не вникала – заметила вышедшую из магазина подружку.

– Ну, наконец-то!

Следом за подругой в дверях показалась парочка молодых людей – жилистый худосочный парень в брезентовой рабочей робе и девушка в красном нарядном платье и туфельках, высокая шатенка с прической. Колесникова знала обоих: парень, Костя Хренков, уже года два работал в колхозном гараже механиком и шофером, под началом Женькиного папы Александра Федоровича, прозванного местными остряками Керенским – имя-то с отчеством одинаковые, вот и прозвали. Александр Федорович Костю – Котьку – хвалил, и было за что: механик от Бога, золотые руки... и Женьку он как-то здорово выручил... В общем, всем хорош, но как выпьет... И так-то – ершистый, обидчивый, а уж как в рот попадет, так все! И нахамить может, и руки распускает... правда, на следующий день извиняется, и тише воды ниже травы. Такой вот человек. Неплохой в принципе, отец за него всегда заступался.

Что же касается девушки... то с ней все было сложнее. Тамара Марусевич, так ее звали, была чуть постарше Женьки, года на два. Окончив школу, Тамара поехала поступать

в ЛГУ, да неудачно, вот и работала теперь библиотекарем – зарабатывала необходимый для поступления стаж и получала рублей шестьдесят с копейками. Тамара была красивая – стройная большегрудая шатенка с пышными ресницами, чудными зелеными глазами, – многие парни на нее засматривались. Вот и Котька Хренков, похоже, влюбился...

Многие Котьку жалели: года два назад, сразу после армии, он всерьез влюбился в молодую учительницу-практикантку, вскоре трагически погибшую... И вот с тех пор Хренков едва оклемался...

Женька хотела было поздороваться с Котькой, окликнуть... но раздумала: похоже, между молодыми людьми разгорался скандал...

– Так ты, значит, с Коськовым? – распалялся Костя.

– Да кто тебе сказал?

– Так вас люди видели!

– Какие еще люди? Это дружки-то твои, пьяницы?

– Ты кого пьяницами обозвала? Ах ты...

Хренков замахнулся было...

– Ну, ударь, ударь!

Нет, не ударил – устыдился. Да и люди кругом... Оглянувшись по сторонам ничего не видящим взглядом... и виновато поплелся за Тамарой...

– Янтарь выбросили, калининградской фабрики, – выдохнув, отчиталась Катя. – Называется – гарнитур. Красивые такие бусы и к ним брошка в виде цветка. Красиво – глаз не

оторвать. Но и стоит – одиннадцать восемьдесят!

– Не так и дорого...

– Ну, милая... Для кого как! – Катерина вдруг хмыкнула. – Да ты не думай, там на всю очередь точно не хватит. Знаешь, кто там в первых рядах?

– Кто?

– Кротова! У самого прилавка уже... Вот увидишь, сегодня на танцы заявится с янтарем! Ой... а это кто тут?

Мезенцева наконец заметила мелюзгу:

– Э, вы чего тут?

– Краску мне помогут донести, – пояснила Женька. – Ну что, ребята, пошли?

– Ой, кто это там? Не Дорожкин ли? – Катя указала на промчавшийся мимо синий милицейский мотоцикл и сама же ответила: – Он. Ишь помчался куда-то...

* * *

Дорожкин мчался не куда-нибудь, а в отделение – по графику как раз сейчас начинался прием граждан, опаздывать на который вовсе не следовало. Обычно, правда, никто в милицию не приходил, все проблемы с участковым решались по-простому, на ходу – на улице или у общих знакомых.

Однако сейчас все же кто-то появился!

– Мымариха там к тебе, – просветили в дежурке. – Уже с полчаса дожидается.

– Так время написано же!

– Здра-авствуйте, товарищ участковый!

– И вам не хворать, Валетина Терентьевна. Заходите, коль пришли.

Валентина Терентьевна Мымарева – Мымариха – женщина статная, сильная, с квадратным волевым лицом, характер тем не менее имела в чем-то даже подлый, постоянно по всякой мелочи жалуясь на соседей, донимая участкового и дежурную часть. Работала она в промкомбинате учетчицей, постоянно доставая коллег всякими придирками. Бывают такие люди – ежели гадость кому не сделают, считай, день прошел зря.

Соседи уж и не знали, бедные, куда от нее деваться! То костер не там разожгут – у себя-то на огороде! То крышу кроют не вовремя, стучат целый день, отдыхать мешают, то еще что-нибудь этакое...

Дорожкину эта неприятная особа тоже крови попила немало... Ну, что ж, работать-то надо.

Усевшись на предложенный участковым стул, посетительница расправила широкую юбку и, одернув бесформенный темно-серый блузон, больше напоминавший дореволюционную кацавейку, недоверчиво покосилась на портрет Брежнева. Не любила гражданка Мымарева ничего нового, просто на дух не выносила никаких перемен, вот и здесь – с момента назначения Леонида Ильича первым секретарем ЦК еще не прошло и года. Хрущев-то был хоть и волонтерист (как

оказалось), но все же привычный, свой.

– Заявление хочу подать, – прищурившись, с нажимом произнесла женщина. – Между прочим, уже час тут сижу, жду!

– Так могли бы в дежурке...

– Это Петьке, что ли? Нет, я уж лучше дождусь... Велосипед у меня украли, Игорь Яковлевич! Принимай меры, ага.

– Велосипе-ед? – На узком лице участкового отразилась смесь крайнего удивления с недоверием и некоторой долей юмора. Представить гражданку Мымареву катающейся на велосипеде он как-то сразу не смог, а когда все-таки представил, то едва сумел удержаться от дикого хохота. Вообще-то, в цирке и медведи на велосипедах ездят, и даже слоны...

– Ну, не мой, ясно, – сына.

– Что за велосипед? Марка? Цвет? Когда и за сколько куплен? Да, мне и сына вашего нужно будет опросить.

– Ясно, пришлю... – Мымариха напряглась и задумалась. – В марках я не понимаю, цвет – да там разный был, а стоит – двадцать рублей новыми! – Тут заявительница плотоядно ухмыльнулась и напомнила: – Ущерб для меня значительный! Так, товарищ лейтенант, и запиши.

– Двадцать рублей? – недоверчиво переспросил Дорожкин. – В комиссионке, что ли, брали? В Тяньск ездили?

– Не, он где-то здесь купил. С рук.

– Ах, с ру-у-ук... Так, может, он краденый, велосипед-то? А у кого купил?

– У кого купил, ясно, не знаю... А только ты мне, товарищ участковый, лишнего-то не шей! Уж скупкой краденого я вовек не занималась! Ясно?

Гражданка Мымарева побагровела и притопнула черной тупоносой туфлей, навскидку, верно, сорок третьего размера.

– Вы сына-то приведите...

Заявление все же пришлось принять.

– Ну, ясно, приведу... Или пришлю лучше – мне еще на смену сегодня заступать.

Выпроводив заявительницу, Дорожкин нервно закурил дешевую «Приму» и задумчиво покачал головой. Ага, бро-сишь тут курить, как же! Мымариху, пожалуй, было не от-футболить... сейчас. Но вот потом... Уж больно подозри-тельный какой-то велик – за двадцать рублей незнамо у кого купленный. Впрочем, с ним все равно Ревякину разбирать-ся, до отпуска один черт не успеть. А Игнату, между прочим, скоро капитана получать. А тут вдруг жалоба – Мымариха обязательно напишет, к бабке не ходи!

В дверь осторожно поскреблись...

– Войдите!

– Мамаля сказала зайти...

Вошедший – упитанный пацан с наглым лицом и ко-сой челкой, – несмотря на погожий денек, был одет в теп-лые штаны-шаровары с кожаными заплатками на коленках и

клетчатую рубашу с длинными рукавами «на вырост».

– Сказала, про велик все рассказать...

– Ну, давай, – покладисто улыбнулся участковый. – Садись, рассказывай... Зовут-то как?

– Мымарев Никита... Никита Сергеевич... Пятый «Б».

– Тебе одиннадцать-то есть?

С одиннадцати лет допускалось опрашивать подростков без присутствия родителей, именно что опрашивать, а не допрашивать – просто брать официальное «объяснение». И то, конечно, лучше бы с педагогом, но... тут уж нужно было ковать железо, пока горячо.

– Тринадцать! – обиженно отозвался пацан.

Ну да, судя по виду, так оно и есть. Даже и все четырнадцать дать можно!

– Тринадцать... и в пятом классе?

– На второй год оставили. – Мымаренок засопел и, такое впечатление, хотел было сплунуть, да побоялся – все ж таки милиция!

– Математичка меня не любит... и русичка тоже... Вот и...

– Понятно... Ну, давай ближе к нашему делу. – Положив на стол листок бумаги, Дорожкин потер руки. – Рассказывай. У кого купил, за сколько, когда велик пропал и... может, подозреваешь кого.

Пацан отвечал кратко, но на редкость обстоятельно, словно бы весь этот разговор продумал заранее... Это второгод-

ник-то? Хотя... кто его знает?

Велосипед неустановленной марки Мымарев Никита неделю назад купил с разрешения матери (по сути-то, мать, выходит, и купила) у несовершеннолетнего Юрия Рыщука за двадцать рублей новыми. Велосипед пропал вчера около семнадцати часов – увели от продуктового магазина.

– А этому самому Юрию Рыщуку лет-то сколько? – записав, уточнил участковый. – Четырнадцать есть?

– Да пес его знает. – Никита озадаченно почесал затылок. – Может, и есть. Он тоже на второй год оставался! Их же я и подозреваю. Тот же Рыщ и украл вместе с дружкой своим, Симаковым Пашкой. Я б их обоих вытряс, да... – Подросток грозно зыркнул по сторонам и тут же сник. – Да братан троюродный у Симы – Дылда! Да вы знаете...

– Дылда... Евсюков, что ли? – Лейтенант поднял голову. – Ну да, как не знать. Недавно заходил... на отметку. Так он ничего такого?

– Не-не, что вы! – В глазах Мымарева явно промелькнул страх.

Митьке Евсюкову по кличке Дылда было где-то лет двадцать. Школу он давно бросил, отсидел год в колонии за хулиганство и, недавно вернувшись, устроился грузчиком на склады, где не то чтобы работал, а скорее числился. Дылду откровенно побаивались даже взрослые мужики, среди которых было немало бывших сидельцев. Такой вот тип.

– А этих вот твоих, Рыщука с Симаковым, где найти мож-

но? Где они могут краденый велик держать? Дома? В сарае?

– Не-е, дома вы их летом не найдете. На Большом озере! Шалаш там у них, хаза... У Серого камня, знаете? Так летом они почти что всегда там. Рыбу удят, костер жгут... Только не говорите, что я...

– Само собой, Никита.

Выпроводив потерпевшего, лейтенант задумчиво закурил. Вообще-то, сегодня были танцы, которые Дорожкин обычно профилактировал на патрульной машине вместе с дежурными сержантами, а когда и так, на служебном мотоцикле заезжал, как говорится, на всякий случай, чтобы не было драк. Драки, конечно, все равно случались, но не особо кровавые. Так, пара разбитых носов да синяки под глазами, ну, ребра еще поломают друг дружке – разве ж это драка, когда «тяжких телесных» нет? Даже «средней тяжести» и то редко, в основном «легкий вред» и «побои». Тем более все на почве «внезапно возникших неприязненных отношений». Мелкие совсем статьи, можно сказать – мягонькие.

Подумав, Игорь решил на танцы сегодня не заглядывать – дежурка и без него справиться, – а вплотную заняться краденым велосипедом. Скоро отпуск, а в отделении не принято было оставлять за собой «хвосты». Тем более Ревякину, у которого и своих, оперских, дел хватало – ставку второго оперативника срезали одновременно с ликвидацией Озерского района. Отделение милиции оставили – и то хорошо.

– Слышь, Петро, я на ужин, – проходя мимо дежурки, на

ходу бросил Дорожкин. – Потом вечером – по делам. На танцы – как успею, нынче уж без меня.

– Да ничего с твоими танцульками не сделается, не бойсь! Поглядим, съедим. Пьяных заберем.

– Вот-вот! А я завтра с утра приду, оформлю. Рапорты только без ошибок пишите.

– Это кто у нас с ошибками пишет-то?

– Да есть... некоторые...

* * *

Домой к Катерине шли целой процессией: впереди – мелкие пацаны с краской, следом за ним – девчонки. Подружки болтали, обсуждали янтарный гарнитур, очередь, прокатившего на мотоцикле участкового Дорожкина, а также выходку Котьки Хренкова...

– Да он так-то парень хороший, – заступилась Колесникова.

Катька ахнула:

– Да я знаю. Ты кому говоришь? И все же – чуть не ударил! Ну, ты сама видела.

– Но ведь не ударил же!

– Все равно... Если бы со мной так разговаривали, я бы не спустила ни в жисть!

– Ну, ты у нас вообще грозная...

– Хотя третьего дня в окошко видала – Котька Тamarку

на мотоцикле катал, – вдруг припомнила Катя. – Тамарка в коляске – вся довольная, до ушей улыбка.

– Котька на мотоцикле? – Женька повела плечом. – У него же нет мотоцикла-то. Еще на служебном автобусе мог бы прокатить, и то от отца бы влетело.

– Так Потаповых мотоцикл-то, – рассеянно пояснила Мезенцева. – Коляска у них была помятая, помнишь? Так Юрка Потапов, как с армии пришел, вмятину выправил и коляску покрасил. Ну, той краской, что была – синей, как вон у тебя была. Сам мотоцикл серый, а коляска синяя... Ой, смотри – Коленька наш идет. Красивый какой! Тащит чего-то. Вон целая авоська... Книжки, что ли...

По тротуару, у поворота на Пролетарскую, навстречу девочкам шагал Коля Ващенко, зануда, маменькин сынок и отличник, книжный червь. В белой рубашке и коротких серых брючках со стрелками, наглаженными до остроты бритвы, весь такой причесанный, чистенький и примерный до такой степени, что любому дворовому пацану такого тотчас же хотелось побить! Так же, как и его спутника – такого же, прости господи, интеллигента, явно городского – в тубетейке, круглых очках и черных коротких штанах на помочах. Круглые очочки, аккуратная стрижечка полубокс, а под мышкой – увесистый том Майн Рида.

Вот обоих зануд и побить!

Так, верно, и решили Пашка и Юрик. Пашка поставил ведро наземь. Юрик грозно выпятил грудь и харкнул прямо

под ноги Коле:

– Здорово, книжный червь! Куда путь держишь? Че воображаешь-то? По шее захотел? По шее? А ну-ка, Паха, давай-ка ему надаем...

– А ну-ка цыц! – быстро прекратила Женька. – Устроили тут... Хотите краску, так несите, не отвлекайтесь.

– Так мы это... несем... – Пацаны смущенно переглянулись и, украдкой показав «занудам» кулак, подхватили ведро и свернули на Пролетарскую.

Связываться с Женькой они опасались. Да, та почти взрослая, да и знакомых у нее много – запросто могло попасть хоть от того же Котьки Хренкова. А еще – от стилиги Алекса и его хулиганистых дружков. И что с того, что Алекс нынче не в Озерске – дружки-то здесь!

Про странную дружбу Алекса с Колесниковой Женькой местные шпанята тоже были наслышаны и, поскольку в музыке не разбирались совершенно, считали, что те «крутят дела», явно какие-то свои и не очень-то законные. Так они на полном серьезе и считали... мерили по себе.

– Мама сказала, в поход если пойдут, так и я тоже. – Коля неожиданно поднял глаза... и сам смутился невиданной своей смелости. Еще бы – со старшими девчонками заговорил! Пусть и со знакомыми, но все-таки...

Переглянувшись, подружки расхохотались, чем еще больше смутили юного бедолагу.

– А это приятель мой, Миша.

– Голиков Михаил, из Ленинграда, – чуть склонив голову, церемонно представился очкарик. – Приехал на каникулы к тетушке, в Валую. Это недалеко здесь...

– Да уж знаем...

– А сюда в библиотеку езжу, за книжками. В прошлый раз Фенимора Купера брал, а сейчас – вот... Майн Рид! «Оцеола – вождь семинолов».

Рядом, на площади, притормозил «ГАЗ-51», грузовичок с дощатой надстройкой на половине кузова. К грузовичку тут же поспешил народ – похоже, доярки...

– Ой, это к нам, на ферму! – ту же заспешил Миша. – Как бы не опоздать... До свидания!

– Пока... Так ты что, не хочешь, что ли, в поход? – глянув на Колю, спросила вдруг Мезенцева. – Так скажи, никто ведь силком не тянет.

– Нет, очень хочу! – Волнуясь, мальчишка поправил очки. – Но боюсь... смогу ли?

– Готовить, что ли, не умеешь? Так мы тебя научим! – уверила Катерина. – И щи, и кашу варить.

– Да нет, это-то я все умею – мама научила... А вот пи-
лить, дрова колоть...

– Да не так уж это и трудно. – Вступив в разговор, Женька с любопытством посмотрела на книжки в авоське у парня... Странные это были книжки, не книжки – журналы, квадратные, с дырочкой посередине... Неужели тот самый новомодный журнал?

– Это у тебя...

– «Кругозор», – похвастался Коля. – Журнала такой, с пластинками. Я в библиотеке брал, мне тетя Тамара разрешила. Они с мамой подруги. Переписали – у нас радиола с магнитофоном. Вот несу назад.

– Опоздал ты. Тамара давно уже ушла.

– Ушла? Тогда Елене Степановне отдам. Успею...

– Успеешь. А что там за песни-то?

– Да разные. Мне новогодние понравились – «Черный кот».

– Ну, «Черный кот» всем нравится... Ладно, пока. А в поход все-таки иди! Иди и не думай – дрова колоть научим.

С делами управились быстро: Пашка с Юриком сноровисто забрались на крышу сарая, девчонки подали листы, а дальше минут пять-десять – и все уже было прибито, да не абы как, а как следует! Ребята и дверь в сарае покрасили. А краски еще осталось изрядно.

– Прямо в ведре и берите, – разрешила Колесникова. – И можете не возвращать. Мыть, что ли, потом ведро-то?

Пацаны, довольные, убежали, а подружки уселись пить чай. Пока раскочегаривали керогаз, да пока закипал чайник, хозяйственная Катерина развела муку – напекли блинов, тоненьких, вкусных...

– Вот умеешь ты блины печь, – похвалила подружку Женька. – А у меня так все время толстые какие-то получа-

ются. Или с комками.

– Тут от сковороды много зависит...

* * *

– А теперь – белый танец! Дамы приглашают кавалеров! – выйдя на сцену, торжественно объявил завклубом Сергей Валентинович, для многих здесь – просто Сережа или Сергей. Среднего роста, вполне симпатичный и коммуникабельный молодой человек, одноклассник Дорожкина, Сергей отслужил в армии и, окончив культпросветучилище, был направлен на работу в Озерский рабочий клуб, где очень быстро дорос до заведующего и был на хорошем счету в отделе культуры...

Почти все по клубу Сергей делал сам – всякая там техника-электрика и прочая звуковая аппаратура, с которой раньше сильно помогал Максим Мезенцев. Но Максим ушел в армию, и теперь приходилось самому. Впрочем, Сергей Валентинович вполне справлялся: выбив в райкоме комсомола проигрыватель с магнитофоном, лично спаял усилитель мощности и приспособил большие динамики из кинобудки, так что звук был очень хороший – даже в Тяньске завидовали.

На выражение «белый танец» все девчонки сделали стойку. Сам этот обычай – «дамы приглашают кавалеров», говорят, зародился еще в Австро-Венгрии, на придворных балах, в СССР же распространился в послевоенное время, когда так

остро не хватало мужчин. Воспитанные же в первобытно-до-мостроевской строгости девушки просто не осмеливались да и не могли познакомиться – и тут вдруг нашелся поистине гениальный выход! По неписаным правилам приличия, мужчина не мог отказать пригласившей его девушке. Вот они и приглашали... И для многих – особенно на школьных вечерах – это было равносильно признанию в любви...

– «Ты спеши, ты спеши ко мне... Если я вдалеке, если трудно мне...»

Едва только послышался усиленный динамиками голос Муслима Магомаева, как Катерина со всех ног рванула к Толику... к Анатолию Ивановичу, молодому педагогу... тот ведь не мог отказать!

И не отказал... Пары закружились в танце...

Как и многие другие девчонки-школьницы, Женька скромненько уселась на скамейку. Бросаться кому-то на шею она вовсе не собиралась – вот еще! Ее уже и так два раза пригласили. Правда, второй раз девушка отказалась – от незнакомого парня явно пахло спиртным.

Незнакомец, правда, пытался ерепениться и грубо схватил Женьку за руку... Его быстро взяли за шкурку и поставили на место – объяснили, что к чему. И дальше все было спокойно, не считая обычных небольших потасовок, которые, впрочем, тут же и заканчивались, для более серьезных разборок обычно уходили за клуб, к пожарному водоему.

Стояли белые ночи, и все, что происходило на танцеваль-

ной площадке, было хорошо видно всем. Как танцевала пары... Как красива была Катя – в синем своем платье, с прической, с перламутровой заколкой в волосах. Как закончился танец и кавалеры провожали дам...

Анатолий Иванович галантно подвел Катю к скамейке, поклонился...

И тут появилась Кротова! С компанией других девиц, довольно развязная и, кажется, под хмельком.

А вот одета она была – да! Скорее, даже раздета. Уж по людной-то улице даже Светка так бы вот не пошла! Черная плиссированная юбочка едва доходила до середины бедер, воротничок ослепительно-белой нейлоновой блузки был расстегнут гораздо ниже предела скромности, принятого даже в больших городах. Лаковые туфли-лодочки, подведенные со стрелками глаза, потрясающий всякое воображение начес и, конечно же, ярко-красная вызывающая помада! Не забыла Светка и про украшения – янтарные бусы и такая же брошка в виде затейливого цветка! Недавно купленный в промтоварном гарнитур... Точно такой же, как и на продавщице универмага райпо Котиковой Тане... Как на бухгалтерше стройтреста Наде Коновяз... На Леночке – юной администраторше Дома крестьянина... И на только что пришедшей Тамаре Марусевич был точно такой же гарнитур – янтарные бусы и брошка!

Тамара явилась не одна – в компании некоего Мишки Андреева, смазливового такого блондинчика, студента лет два-

дцати... Нечасто тот приезжал, на лето только.

Вздыхнув, Женька вдруг подумала, что добром это не кончится. Котька Хренков на танцы обязательно придет, а тут – эти. И – ой, что будет, что будет...

– Чужих приглашаешь, тля, – проходя мимо Кати, сквозь зубы процедила Кротова. – Ничего, разберемся.

– Разобралась одна такая! – Катерина рассерженно бросила вслед.

Светка, похоже, не расслышала, улыбаясь во весь рот, подошла к Анатолию, заговорила... Тот вежливо улыбнулся в ответ... И, что-то сказав, отошел к сцене, к Сергею, а потом и вообще скрылся где-то, быть может, даже ушел. Наверняка из-за Кротовой – не хотел провоцировать конфликт.

Впрочем, здесь было кому провоцировать – на входе появились Котька Хренков, а за ним Митька Евсюков – Дылда...

Объявили быстрый танец, и все стали выплясывать, как могли. Сначала под «Фантазеров» Ларисы Мондрус, а потом и под рок-н-ролл Чака Берри, застенчиво именуемый «твистом».

Ой, как выпендривался Дылда! Нет, он не танцевал, а именно что выпендривался и всячески мешал другим. Во всегдашнем своем потрепанном тельнике, в широких штанах, в надвинутой на самые глаза блатной кепке-«лондонке» – на зависть малолетней шпане. Узкое, вытянутое, как у лошади, лицо, тонкие злые губы...

– Неприятный тип. – Сидя за сценой, у динамиков, Анатолий Иванович неодобрительно глянул на Дылду и покачал головой. – Недалеко от меня живет, кстати. Говорят, многих знает...

– Да, знает, – оглянувшись, подтвердил завклубом Сергей. – Только... Ох, чувствую, будет у нас сегодня драка...

Глава 3

Озерск. Июнь 1965 г.

На Большое озеро Дорожкин добрался быстро. Закатив мотоцикл в кусты, разулся, закатал форменные брюки и, прихватив полевую сумку, зашагал прямо по кромке воды, здороваясь со знакомыми. Не так-то еще и много было купающихся – холодновато, но все же загорали в основном, конечно, ребята.

Играли в волейбол, в карты, а кто-то за кусточками попивал винишко. Участковый замедлил шаг и, отбив случайно прилетевший мяч, присмотрелся – в волейбол да в карты играли подростки лет десяти-тринадцати, а вино пили солидные мужики, похоже, с покоса. Что же касается собственно молодежи, то таковых на озере не наблюдалось. Что и понятно – танцы!

На всякий случай погрозил мужикам кулаком...

– Да ты че, Игорь! Мы же меру знаем!

...Дорожкин направился в дальний конец длинной песчаной косы, к большому серому валуну, сразу же за которым вился слабый полупрозрачный дымок. Там, за кустами, и обнаружились двое парней – Юрий Рыщук и Симаков Пашка –

Рыща и Сима. Разложив небольшой костерок, пацаны деловито красили велик, собранный из самых разномастных частей. Черная рама, колеса с зелеными ободами, руль от «Орленка», а передняя вилка вообще красная! Да, был еще багажник – зеленовато-серый.

– Здорово, пацаны! – Выйдя из-за камня, лейтенант улыбнулся во весь рот. – Что, Пашка, отдыхаете?

– Отдыхаем, да...

Пацаны обреченно переглянулись. Наверняка они рванули бы сейчас на сверхзвуковой скорости, бросив к чертям собачьим недокрашенный велосипед, и фиг бы их участковый поймал, но... было уже поздно метаться – Дорожкин-то их узнал, а значит, все равно рано или поздно достанет – не на Луну же бежать?

– Здравствуйте, дядя Игорь. – Шмыгнув носом, Пашка отложил кисточку.

Выглядевший чуть постарше мелкого своего приятеля Юрик Рыщук тоже поздоровался, настороженно глядя на лейтенанта.

– Костры-то нельзя разводить, не слышали? – Присев на корточки, Дорожкин провел рукой по велосипедной раме. – Пожарное предупреждение – штраф!

– Дак мы щас затушим, дядя Игорь! Не надо штраф.

– А велик откуда?

– Наш! – Бросившиеся было к костру пацаны обернулись и разом кивнули.

– А Никита Мымарев говорит – его! – Участковый не стал ходить вокруг да около, сразу же приступив к делу.

– Это Мымаренок-то?! – Юрий возмущенно замахал руками. – Врет!

– Точно врет, дядя Игорь! – тряхнув светлой челкой, поддакнул Пашка. – Мы это, велик вместе собрали, а потом Мымаренок сказал: дайте мне. Купить захотел! Договорились за двадцать пять, а он, гад, только десятку дал и велик наш уволок! Еще и накостылять обещался.

– Вот мы его и забрали, велик-то, дядя Игорь! Ничуть не украли... Вот заплатит Мымаренок сполна – тогда и получит.

– Чего ж тогда красите?

– Так вдруг не выкупит? – резонно пояснил Рыщук. – Тогда сами будем кататься. А краску нам Женька Колесникова дала, у них от ремонта осталась.

– Тут колеса наши, дядя Игорь, и багажник, и цепь! Только раму Мымаренок притащил, сказал – нашел на свалке. Врет! У Лешки Чиж с огорода спер, Лешка нам жаловался и обещался отцу рассказать.

– Та-ак... – Участковый задумчиво посмотрел вдаль.

Вечерело. Клонилось к закату рыжее летнее солнышко. На синей озерной глади вспыхнула, заблестела оранжево-золотистая дорожка.

– Вот что. Завтра с утра явитесь все ко мне вместе с велосипедом. И этого... Лешку Чиж тоже с собой приведите.

Подняв плоский камешек, Дорожкин с размаху запустил его по воде...

– Раз... два... три... – считали «плюхи» ребята, – восемь... девять... Девять! Здорово вы кидаете, дядя Игорь!

* * *

Они вроде как ссорились – Костя Хренков и Тамара. Женька заметила невзначай, хоть и не приглядывалась – просто парочка на соседнюю скамейку уселась. Разговаривали на повышенных тонах, ругались... Потом Котька психанул, ушел, встал снаружи, у входа, закурил нервно... А Мишка Андреев? А, он уже с другой танцевал. А пришел с Тamarкой! Ну-у, видно так, за компанию...

В динамиках слышалась чувственная мелодия «Лав ми тендер». В качестве медленного танца эту песню ставили в клубе часто, но вот то, что ее поет пресловутый «король рок-н-ролла» Элвис Пресли, знали, пожалуй, только двое – Женя Колесникова и заведующий клубом.

К скучающей на скамейке Тамаре, вихляясь, подошел Митька Евсюков – Дылда. И тут же получил от ворот поворот. Станет Тамарка с ним танцевать, как же!

Евсюков как пришел, так и ушел... правда, про себя выругался. Вслух-то не посмел! Хоть и считал себя блатнее всех блатных, да больше для малолеток выпендривался – и сильно побаивался Котьку Хренкова.

Оп! Катьку пригласил Вилен Левичев из десятого «А». Хороший парень, трудовой сектор...

– Вы танцуете? – Перед Женькой возник вдруг светловолосый парнишка в узких синих брючках и клетчатой рубашке-«ковбойке», с накладными карманами и большим пуговицами – явно импортной и дорогой. Узкое приветливое лицо, весь из себя такой аккуратненький... правда, волосы, пожалуй, чуть длинноваты... Очень симпатичный парень! Незнакомый... явно чужой... Интересно, к кому приехал? Да и вообще, как только не боится? Чужих-то на танцах обычно били... Как и во всех маленьких городках, тем более в деревне.

– Танцевать? Ну, хорошо...

Женька пошла танцевать с непроницаемым лицом: мол, ну, подумаешь, пригласили – так ведь и должно быть! На самом же деле душа ее пела, и было очень приятно, как и любой девчонке, – вот ведь, значит, она не какая-нибудь там... значит, кому-то нравится и вообще...

– Меня зовут Тынис. Тынис Кург. А как ваше имя?

Он еще и говорил с акцентом! Этак симпатично растягивал слова – Ты-ынис. И странно строил фразы: «А как ваше имя?» Местный спросил бы проще: «Как тебя зовут»? И потом, это вот «вы» сильно смущало Женю. Ну, ей же не тридцать лет! Далеко еще до глубокой старости...

– Меня Женей зовут. Может, перейдем на «ты», а то как-то...

Не так уж и громко звучала музыка. В танце вполне можно

было поговорить – если чуть-чуть напрячься.

– Хорошо, на «ты»... – улыбнулся парнишка.

Ах, какой голос у Элвиса! Просто божественный, да... И песня...

– Тынис... Ты, наверное, шпион?

– Я не шпион. Я студент.

– Студент?

– Мы здесь на практике. Из Тарту приехали. Ну, вепсский фольклор... Лет пять назад были уже... Правда, не я... Я тогда еще в школе учился...

– Откуда-откуда? – ахнула Женька. Не каждый день сюда из Тарту приезжали, далеко не каждый. Ну, и далеко не каждый житель Озерска знал, где находится этот самый Тарту...

– Из Та-арту. Эт-то Эстония.

– Ах, вон оно что! Так ты эстонец? Отличник, наверное? Ну, пять лет назад я уже и не помню...

Действительно, в университете эстонского Тарту давно уже изучали жизнь, быт и фольклор финно-угорских народов, к коим относились и проживавшие в бывшем Озерском районе вепсы – потомки древней веси, что упоминалась еще в «Повести временных лет». В университете писали по этой теме научные работы, организовывали полевые экспедиции и даже международные конференции.

Профессор Пауль Аристэ проводил со студентами экспедиции к вепсам. В пятидесятых годах они работали в тогда еще Озерском районе, по берегам бурной реки Ояти, изу-

чая жизнь, быт и язык местных вепсов. С конца пятидесятих экспедициями руководила ученица Пауля Аристэ Паула Палмеос, а выдающийся финно-угровед Тийт-Рейн Вийтсо в 1960 году сделал первые имеющиеся в Эстонии магнитофонные записи вепсского языка у северных вепсов, что ныне хранились в фольклорном архиве Эстонского литературного музея и в архиве эстонских диалектов и родственных языков в Тартуском университете. Не так давно, с начала шестидесятых, началась систематическая серия экспедиций Эстонского национального музея...

Обо всем этом поведал Женьке ее новый знакомый Тынис Кург... правда, чуть позже.

Сейчас же...

Танец закончился, и Тынис присел на скамеечку рядом с новой знакомой.

– Н-нет, отличником я не был. Мы только сегодня приехали, с утра... В вашей старой школе живем.

– А-а. И сразу на танцы?

– Вот только пришли...

Краем глаза Женька заметила чужих девчонок – светленьких, высоких... лишь одна была темненькая – брюнетка... Студентки, значит. Теперь понятно.

– А у меня сестра в Риге живет.

– Я там бывал. Красивый город! О, теперь понятно, откуда такая модная одежда!

– Скажешь тоже...

– Да-да, очень. Я, когда тебя увидел, подумал, что ты нездешняя. Даже – иностранка, да!

– Сам ты иностранец! – обиделась Женя. – А вообще, у нас тут чужих не любят...

– Да, профессор Арнольд предупреждал.

– Профессор?

– Отто Янович. Научный руководитель нашей практики. – Тынис неожиданно улыбнулся. – Но он только завтра придет.

Женька тоже улыбнулась: забавно так Тынис говорил – «приед-дет», «естчо»...

– А, так вы втихаря!

– Ну да... Что значит – «втихаря»?

– Значит, тайком от начальства. На свой страх и риск. Хотя у нас тут милиция обычно дежурит. И бригадмилцы... Так вы, если что, с ними... Хотя у вас тут, смотрю, девчонки одни...

– Есть и парни. Но серьезные. На танцы не ходят.

– Правильно делают. – Девушка искоса посмотрела на Тыниса. – А ты, значит, несерьезный?

– Знае-эш, когда ка-ак... А кто такие бригадмилцы?

– Дружинники. У нас их еще по-старому называют.

– А, понимаю. Инерция мышления.

– Сам ты – инерция, – усмехнулась Женька.

– Ну, не обижайся.

– Да не обижаюсь я... Просто подруги своей не вижу.

Ушла, что ли? Так сказала бы...

И в самом деле, Катерины что-то нигде не было видно: ни среди танцующих, ни на скамейках. Да, вообще-то, она сюда бы и вернулась, присела бы рядом – вон где сейчас Тынис сидит.

Привстав, девушка внимательно осмотрела площадку. Подружки нигде видно не было. Кстати, и рыжая оторва Кротова тоже куда-то делась! Ох, не к добру это...

Женка закусила губу.

– «В городах, где я бывал, по которым тосковал...» – запел с магнитофонной пленки Эдуард Хиль.

Поднявшись, Тынис вопросительно посмотрел на Женю.

Конечно, «Голубые города» в качестве медленного танца – так себе, зато песня новая и уже очень даже популярная! Как и сам певец.

Едва не задев парня, пробежала мимо Тамарка Марусевич, бросила что-то злое дымившему у входа на танцплощадку Хренкову. Так и не помирились...

Расталкивая всех, вихляющейся походкой направился к выходу и Митька Евсюков – Дылда.

– Какой неприятный парень, – посторонился Тынис.

Колесникова покусала губу:

– Вот уж точно! Увидишь – не связывайся...

– Так, может быть, мы с тобой...

Обеих ведь нет нигде – ни Светки Кротовой, ни Катьки! А что, если Кротова вдруг решила устроить разборки? А что?

Место подходящее – танцы. Зайдут в лесочек за клуб и... Катька – девка боевая, обиды не спустит. Не-ет, не могла она так просто уйти... Точно – где-то за клубом!

Не говоря ни слова, Женька вскочила со скамейки и быстро пошла к выходу...

Ну, так и есть! За клубом, в лесочке близ заросшего пожарного прудика, слышались рассерженные крики – явно девичьи.

Едва не споткнувшись, Женька прибавила шагу...

– А ну, пусти-и! Пусти, говорю, с-сука!

– Сама пусти!

– Ай! Ухо, ухо... гадина!

– Сама гадина! Н-н-а!

– Ай!

– Ой!

– У-у-у!

Так и есть! Кротова и Катерина стояли друг против друга, вцепившись друг дружке в волосы, и пинались. Каждая пыталась повалить соперницу на траву... Вот что-то затрещало – наверное, разорванное платье...

– А ну, хватит! – подбежав, закричала Колесникова.

Катька обернулась:

– Женька, уйди! Уйди, говорю. Мы тут сами... у-у-у-у!

– Я вам дам – сами... А ну!

Женя поспешила на помощь подруге... да не тут-то было!

– А ну, стой!

У Кротовой-то имелись свои подружки! Такие же оторвы и, похоже, уже хорошо выпившие.

– Слышь, девки, а давайте ее в пруд выкинем... в тину!

– Давай!

Женька и опомниться не успела, как ее схватили за руки и поволокли...

От мерзкого ощущения беспомощности и обиды по щекам потекли злые слезы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.